

[Polaris]

ДИР ТУМАННЫЙ

ДЕТИ ЧЕРНОГО
ДРАКОНА

Советская авантюрно — фантастическая
проза 1920 — х гг.

Том VIII

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CXXXIX

Salamandra P.V.V.

Дир
ТУМАННЫЙ

ДЕТИ
ЧЕРНОГО
ДРАКОНА

Советская авантюрно-фантастическая
проза 1920-х гг. Том VIII

Salamandra P.V.V.

Туманный Дир (Панов Н. Н.)

Дети Черного Дракона: Необычайные приключения в Китае (Советская авантюрно-фантастическая проза 1920-х гг. Том VIII). — Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. — 122 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CXXXIX).

В Китае 1920-х годов скрещиваются пути авантюриста из белогвардейцев и агента Коминтерна. Герои романа переживают головокружительные приключения в зловещих подземельях «детей Черного Дракона» и в гималайских горах. Роман поэта и прозаика Дира Туманного (Н. Панова) был написан в традиции «красного Пинкертонa» и впервые издан в выпусках в 1925 г.

ДЕТИ ЧЕРНОГО ДРАКОНА

Необычайные приключения в Китае

Цена 15 исп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ДЕТИ ЧЕРНОГО ДРАКОНА

НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ В КИТАЕ

ТРУЩОБЫ ПЕКИНА

Вып. 1—2.

„РАБОЧАЯ МОСКВА“.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ДЕТИ ЧЕРНОГО ДРАКОНА

РОМАН ПРИКЛЮЧЕНИЙ
ИЗ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

НАПИСАН Д. ТУМАННЫМ,
ИЛЛЮСТРИРОВАН Н. КРАВЧЕНКО.

Выпуск I:
„ТРУЩОБЫ ПЕКИНА“.

Выпуск II:
„НЕВЕСТА ЖИВОГО
БУДДЫ“

„РАБОЧАЯ МОСКВА“.
1925

ТРУЩОБЫ ПЕКИНА

1. В курильне опиума

Узкая, извилистая, зловонная щель китайской улицы. Низкий дом с черепичной крышей и глиняными стенами — дом, как две капли воды похожий на соседние, сжавшие его со всех сторон дома. Темная, покрытая жиром и грязью от тысячи прикосновений, дверь.

Если подойти и четыре раза быстро стукнуть в толстые доски, — дверь откроется. Выплывут чадаящая керосиновая лампа и желтое морщинистое лицо с раскосыми, обшаривающими глазами. Вы входите в зеленоватый, вздрагивающий полусвет средней большой комнаты. Вы ложитесь на земляной пол, на грязную тростниковую циновку. Вам подадут керосиновую коптилку, длинную бамбуковую трубку и порцию густого, темно-коричневого, лоснящегося теста. Это опиум. Положенный в трубку, нагретый над стеклом лампы, он кипит, раздувается, превращается в удушливо-сладкий, преображающий человека дым. Курильщику открывается новый, необыкновенный, волшебный мир.

Почему так много опиума курит желтый человек? Потому что в это время он забывает действительность. Он забывает, что он раб, половица под ногами белого дьявола и своего соотечественника — гордого мандарина. Он забывает,

что древний город Пекин наполнен бледнолицыми, вероломными, странно одетыми людьми, из которых каждый может ударить по лицу бедного кули и приказать дать ему сто или двести бамбуковых ударов. А здесь, в дымной, грязной курильне, лежа на боку с чубуком в зубах и маленькой чашечной волшебного снадобья у локтя, желтый человек уносится в прежние времена могущества и свободы. И затем он думает о будущем — еще более свободном и ярком.

Что в том, что через час он выйдет отсюда слабый и больной и не будет знать покоя до нового блаженного часа куренья. Да, люди из-за океана принесли много зла желтым людям, но есть и хорошая сторона их появления в стране великого дракона. Ведь без них миллионы широкоскулых, узкоглазых тружеников никогда не узнали бы сверкающих откровений, доступных только курильщикам опиума!

На липких от грязи, твердых ковриках, одно подле другого, вдыхают в себя сладкую отраву распростертые человеческие тела. Вдоль рядов скользит дряхлая фигура содержателя курильни, подающего новые порции и собирающего плату за старые. Ведь и отрава...

Ведь и отрава стоит денег! А что делать тому, кому уже не хватает трех полных трубок? Хорошо, если в его карманах звенят тяжелые доллары или хотя бы истертые, легкие, презренные центы!

На циновке, брошенной у самого входа во внутреннюю комнату, раскинулся высокий европеец в потрепанном плаще английского пехотинца, с острой черной бородкой на худом, давно уже не бритом лице. Его узловатые пальцы сжимают кончик, — увы, уже не дымящейся больше — трубки. Только что выкуренная, пятая по счету порция съела его последние деньги, небрежно брошенные подобоострастно согнувшемуся хозяину.

Месяц тому назад ему хватило бы такого количества. Но опиум безжалостен. Только потребляемый все в большем и большем количестве, он может оказывать свое обычное действие. А как помочь делу, если уже две недели у человека нет занятий и последние, с таким трудом доставшиеся деньги безвозвратно скрылись в чужих карманах.

Будем откровенны, — бывший камер-юнкер его величества, князь Львов, поручик Львов до революции, лишившей его всего состояния, лейтенант Львов на службе короля Англии и, наконец, Львов — полковник дальневосточной «армии» Меркулова, — находился сейчас далеко не в блестящем положении!

Он лежал, приподнявшись на локте, бессмысленно глядя в угол комнаты, через бритые головы неподвижных курильщиков. Внезапный шум сзади заставил его лениво взглянуть в полуоткрытую дверь соседнего помещения.

Здесь происходила довольно необыкновенная сцена.

Прислонившись спиной к дальней стене и вытянув перед собой руки, стоял по-европейски одетый высокий китаец. К нему, согнувшись, подходили двое в широких местных костюмах, с желтыми лицами, перекошенными злобой и страхом. Справа, вдоль стены, огромной тенью крался третий нападающий, в его зубах синевато сверкала полоса кривого ножа.

Стоявший у стены вовремя заметил эту опасность. Неожиданно присев, он сильно ударил ногой в лицо ползущего. Но остальные двое разом прыгнули вперед. Три сцепившихся тела упали на пол. Китаец с ножом вскочил на ноги и бросился на борющихся.

В ту же секунду человек в английской форме — Львов, тоже очутился у места неравной схватки.

Да не подумает читатель, что исключительное миролюбие или что-либо в этом роде толкнуло его на такой энергичный шаг!

Аристократ Львов всей силой своей дворянской души ненавидел этих грязных китайцев, существ «низшей расы». Но ведь даже китайский закон не позволяет без причины бить людей. Другое дело — с причиной! А таковая оказывалась налицо.

Его тяжелый, натренированный на солдатских физиономиях кулак мелькнул в воздухе и с треском опустился на скулу снова выронившего нож азиата. Прыгнув к остальным, Львов сдавил чье-то шершавое горло и швырнул об стену его владельца. Затем схватил за плечи второго и по-

валил его на первого, бесчувственного врага. Ударив ногой в бок четвертого, он победоносно свистнул и пошел к выходу мимо бесстрастных курильщиков и хозяина, забившегося в угол в позе бесконечного ужаса и недоумения.

Львов едавил чье-то шершавое горло.

Львов шел в темноте, насвистывая веселый мотив, довольный, что хоть на ком-нибудь смог выместить свою злобу. Но мало-помалу воинственное настроение снова смени-

лось прежним безнадежным чувством.

В узкой изрытой улице дул резкий ветер. Тесно сгрудившиеся фанзы враждебно смотрели на него дырами неосвещенных окон. Куда пойти теперь — без денег, без друзей, без всякой надежды на хорошее будущее, даже без обычной вечерней порции любимого зелья?

Неожиданно к его плечу притронулись чьи-то осторожные пальцы, и над ухом запели высокие ноты китайского народного наречия:

— Господин земли и солнца свободен сегодня? Не соизволит ли он провести этот вечер у своего раба, спасенного им от убийц Ли-Хуен-Ченга?

2. Ли-Хуен-Ченг делает предложение

Первым побуждением того, кому адресовалась эта по-китайски вежливая фраза, было выругаться и продолжать свой путь. Неужели проклятый монгол думает, что Львов заступился за него из какого-то дикого человеколюбия? Неужели он не почувствовал прощального удара в бок, полученного им наравне с прочими! Да в свалке-то, положим, было трудно разобрать... Львов со злорадным вниманием рассматривал слабо обрисовывавшуюся в темноте сутулую фигуру.

Но потом соображения этого рода сменились другими — более житейскими. Вслед за тем он зашагал в обратном направлении, мрачно глядя в спину, быстро двигавшуюся впереди...

Пекин — современная столица Китая, раньше бывшая местопребыванием свергнутых недавно императоров династии Цин, теперь — правительственный центр Китайской республики. Пекин это не один, а три города. Прежде всего — наружный, собственно китайский, изрезанный морщинами кривых улиц, в которых китайская беднота кишит, как в огромном, грязном муравейнике.

Этот город хранит живую рабочую силу для двух других частей Пекина. Город с миллионным запасом грязно-желтых покорных спин кули, и в то же время город — внезапных, далеко разливающихся вокруг эпидемий, город сотен тайных опийных притонов, домов разврата и игорных домов, разыскать которые не взялась бы лучшая в мире полиция. Это — рабочий Пекин.

Другой, внутренний город — буржуазно-аристократический, всегда наполненный шумной восточной толпой. Здесь широкие улицы начинают уже походить на европейские. Здесь множество магазинов заманивают покупателей яркими выпуклыми иероглифами вывесок. Здесь, над морем богатых домов, дворцов и храмов начинают вздыматься мощные американские небоскребы.

Второй Пекин заключает в себе третий — посольский квартал. Но что знает обыкновенный смертный об этом загадочном прямоугольнике укрепленных, обставленных по последнему слову западной техники домов?

Туда закрыта дорога для простого туземца. Разряженные, надушенные дамы и господа во фраках и цилиндрах только изредка показываются в китайском городе, чтобы вихрем пронестись по торговым улицам в гудящем лакированном авто. Под надежной охраной орудий, пулеметов и хорошо обученных войск представители Америки и Европы решают там судьбы поработенной страны. Оттуда белая выхоленная рука капитала медленно сдавливает горло великой Китайской республики...

Львов и Ли-Хуен-Ченг быстро шли по улице торгового Пекина. Их окружала катящаяся во все стороны, гремящая, громко переключаящаяся толпа. Белый свет дуговых ламп поблескивал на выбритых макушках и тонул в синей материи балахонов кули. Тысячеликая пекинская улица жила обычной вечерней жизнью.

Новые знакомые остановились у трехэтажного дома и поднялись вверх. Дверь открыла молодая китаянка. Хозяин провел Львова в первую комнату и вышел, отдавая какие-то распоряжения. Гость уселся за плетеный стол, хмуро разглядывая обстановку комнаты.

Ее стены и пол были обиты узорчатыми, тростниковыми коврами. На одной висели картины, изображавшие главные эпизоды многовековой исторической жизни страны. На другой — несколько хороших портретов. В первом, изображавшем усатого, смотрящего исподлобья военного в блестящем мундире, Львов узнал главную, вновь нарождающуюся силу страны — манчжурского генерала Чжан-Цзо-Лина. В широколицем штатском, с пронизательными узкими глазами — главу революционного южного правительства доктора Сун-Ят-Сена. Вдоль этой стены стояла низкая кушетка с брошенной поперек нее шашкой и мундиром китайского офицера.

Хозяин возвратился и с радостным, сияющим лицом уселся за другой конец круглого стола.

— Могушественный сын своего отца находится в принадлежащем ему доме! Сейчас ему подадут ужин! Не желает ли он отдать какое-либо приказание своему покорному слуге?

Как хотите, такая любезность может тронуть кого угодно! Конечно, Львову нужна хорошая порция опиума. Но здесь дело пахнет чем-то посерьезнее. Нужно посмотреть, как лучше использовать этого предупредительного субъекта.

Разговор налаживался. Принесли чашечки с рисом, вареную свинину, жареных улиток и морских червей. Подали крошечные чашечки кипятка с плавающими в них щепотками душистого чая. Бутылка с коньяком, поставленная специально для гостя, пустела не без его энергичного участия.

Лицо его прояснилось совершенно. Вытянув длинные, в грязных, изорванных обмотках ноги, он начал чувствовать себя очень недурно. Лицо хозяина, наоборот, принимало все более серьезный и участливый оттенок. Он наклонился к своему благодухествовавшему гостю.

— Не позволено ли будет узнать смиренному Ли-Хуен-Ченгу, какое горе удручает его брата? Неужели он англичанин? Или, может быть...

— Русский! — буркнул Львов, бесцеремонно наполняя новый стакан.

— Русский, — лицо хозяина сделалось еще оживленнее, — теперь я понимаю, зачем вы заступились за меня! Значит, вы из тех, сбросивших с себя иностранное иго?

— Вы хотите сказать, красный? Вот именно! — только хорошо знавшие Львова смогли бы понять, сколько ядовитой бешеной насмешки заключалось в этом ответе.

Но китайский знакомец не относился к разряду таких людей. Он радостно подскочил на стуле и вдруг наполнил два деревянных стаканчика.

— Да разрешит мне мой друг Ли-Во выпить за здоровье его удивительной страны! Ли-Хуен-Ченг, офицер правительственной армии, никогда не забудет услуги, которую оказал ему сегодня один из ее детей. Но, пусть великодушное сердце простит мне этот вопрос: каким образом произошло, что я имел счастье встретиться с вами в таком месте?

Львов, новоиспеченный Ли-Во, сразу заметил, что его плохо понятая фраза о принадлежности к красным произвела хорошее действие. Что новый друг сочувствует коммунистам. Дать ему коммуниста! Пересказать одну из десятков слышанных историй — совсем не такое трудное дело.

— Командуя отрядом против англичан на Востоке, я был ранен и захвачен в плен. Нас — двадцать человек военнопленных везли в Британскую Индию. Во время стоянки в Шанхае мне удалось бежать. Скрылся в порту. Потом начал пробираться на родину — через Манчжурию, конечно. Но здесь вышли все деньги. Кое-как питался работой. В консульстве наводят справки — нет документов. С горя начал курить. Я — красный офицер! — При мысли о своих подлинных злоключениях Львов так взволновался, что в его голосе действительно слышались трагические нотки.

Собеседник смотрел на него с искренним сочувствием.

— Так, значит, Ли-Во пострадал за свободу своей родины? Так пусть Ли-Во не огорчается, он, Ли-Хуен-Ченг, может ему пробраться в СССР! Хотя Китайской республике тоже нужны энергичные люди. Междоусобная война раз-

рывает «зеленеющую страну» на части. Генерал У-Пей-Фу явно подпадает под влияние иностранных послов! С севера наступает могучий дудзюн Чжан-Цзо-Лин. Но в случае своей победы он, как и У-Пей-Фу, будет тряпкой в руках империалистов. Южное революционное правительство тоже ведет ложную политику, усиливая междоусобную войну. Только решительные шаги могут спасти положение. Правда, есть люди, владеющие огромной силой... Если Ли-Во поклянется...

Ли-Хуен-Ченг говорил быстро и страстно, наклонившись к самому лицу Львова. Львов жадно ловил каждое его слово. Не сообщит ли ему китаец какую-либо военную тайну, стоящую хороших денег? Очень похоже на то, судя по его странному волнению.

Но Ли-Хуен-Ченг опомнился. Ведь, в конце концов, он ничего не знает об этом русском! Слишком рано посвящать его в тайны! Он спокойно выпрямился, сразу придав лицу прежнее бесстрастное выражение.

— Так вот, если его друг Ли-Во даст клятву, нет, даже просто обещание верно служить Пекинскому правительству, можно устроить ему командное место во вновь формируемом батальоне, начальником которого назначен его покорнейший слуга. Генерал У-Пей-Фу нуждается в хороших офицерах! А в смысле рекомендации — Ли-Хуен-Ченг берет все хлопоты на себя...

Глубоко разочарованный Львов откинулся на спинку стула. Но, в конце концов, место китайского офицера уже не такая плохая штука. А по поводу тайны — нужно войти в доверие, а потом снова постараться осторожно вывести ее.

На следующее утро новые друзья уже ехали в штаб главнокомандующего. А через неделю, одетый в просторную форму китайского командира, Львов выступил на юг с ротой, входящей в состав армии, посланной раздавить непокорные войска бунтующей провинции Ань-Хой.

3. Битва у Цуянь Дзяо

Один за другим подъезжали пыхтящие эшелоны, выбрасывая на досчатый перрон пачки желтолицых воинов в серых форменных куртках, с тяжелыми винтовками в руках. С открытых платформ сгружали прикрытые брезентом темные прямые хоботы полевых орудий, громоздкие баллоны с удушливыми газами, стройные окоченелые самолеты с судорожно распростертыми крыльями. Скрипели отъезжавшие с амуницией арбы, хрипели и звенели грузовики, отрывистыми китайскими словами ругались офицеры прибывавших частей. Части строились и отходили на восток, в предрассветную мглу, туда, откуда уже доносились первые уверенные удары начинавшегося артиллерийского боя.

Батальон Ли-Хуен-Ченга шел залитыми мелкой водой, зеленеющими рисовыми полями. Львов шагал во главе третьей роты, — подтянутый, посвежевший, чувствовавший себя вполне в своей стихии. Кулак его правой руки еще продолжал тихонько ныть от многочисленных зуботычин, только сейчас украдкой розданных покорным рядовым. Вот это жизнь — жизнь бравого фронтовика-командира! Солдаты и боятся и уважают! У начальства на хорошем счету! В кармане звонкие доллары. Превосходно!

Хлюпая по воде и неловко придерживая шашку сбоку, подошел мешковатый Ли-Хуен-Ченг. Его скуластое лицо смотрело мрачно и печально. Улыбка Львова тоже мгновенно исчезла при виде строгого очертания тонких губ подошедшего.

Ли-Хуен-Ченг пошел рядом. За неделю, прошедшую со времени первого знакомства, он сильно привязался к хорошо игравшему новую роль белогвардейцу. Он часто заводил разговоры на политические темы, но как только дело касалось первых недоговоренных фраз, — тот отмалчивался или переводил разговор на другое. Теперь он притронулся к руке Львова, указывая пальцем на невидимую точку пылающего горизонта.

— Они там! Мы должны обойти справа и открыть пулеметный огонь! Битва растет! Слышите, как усиливается канонада? Сколько новых душ покинет сегодня свои жилища. И все из-за того, что империалистам хочется поскорей поделить между собою ослабевший Китай. Слушайте!

Львов шагал молча. Теперь, во время радостного ожидания боя, ему было тяжело подыгрывать под кислую болтовню. Не все ли равно, чем кончится эта война, дающая ему деньги и приятное право бить и приказывать? Разлагающим субъектам, вроде Ли-Хуен-Ченга, совсем не место даже в такой армии.

По бледному небу, над гладкими голубыми озерами с каналами, по всем направлениям пересекавшими рисовые поля, поднималось огромное оранжевое солнце. Впереди желтела густая бамбуковая заросль, вблизи которой должен был пройти батальон. Гладкие, будто полированные стволы, обвешанные узкими листьями, радушно манили отдохнуть под их прикрытием. А вместо этого...

Идущий в переднем ряду солдат схватился за лицо и, покачнувшись, медленно сел на корточки. С тихим хрипом шагавший рядом повторил то же движение. Остальные шагнулись назад, шатаясь и падая друг на друга.

Газовая война! Первым нашелся издававший на своем веку виды Львов.

— Смирно! Не ломать строй! Надеть противогазы! Живей! — Он первым подал пример, быстро прикрыв лицо извлеченной из сумки глухой маской.

Солдаты остановились, лихорадочно навязывая желтые противогазы. Первое замешательство проходило. И вдруг передние ряды снова шатнулись назад. Вокруг захлопали десятки огненных бичей. Люди падали, нелепо подпрыгивая и продолжая корчиться в жидкой черной грязи. Вслед за газовой подготовкой последовал пулеметный обстрел.

Растянувшись в мелкой воде, беспорядочно обстреливали невидимого врага. Толстые бамбуки ломались, как от сильного ветра.

— В атаку!

Клубящееся дымом поле разом ожило. Толпа дико воющих, сжимающих винтовки дикарей, одетых в форму солдат, вскочила на ноги. С визгом, без единого выстрела неслись к гремящей и дымящейся заросли. Ли-Хуен-Ченг и Львов бежали впереди.

Ли-Хуен-Ченг взмахнул шашкой и перепрыгнул через труп застреленного солдата. Он крикнул какую-то команду, но крик оборвался. Он упал липом в воду с безвольными, раскинувшимися руками. Нестройная толпа штурмовавших промчалась дальше.

Они собираются в подземельи Ху.

Львов наклонился над раненым и осторожно повернул на спину его содрогавшееся тело. Из-под сдвинутого респиратора смотрело окровавленное лицо.

— Ли-Во, это вы? — Ченг сжал слабеющими пальцами ладонь Львова, — иду к моим отцам, умираю... Но раньше должен передать вам тайну. Я верю, вы мой друг, вы спасли меня от ножей тигров, вы — русский революционер... Трудно говорить... Ли-Во...

«Они собираются в подземелье Ху. Два часа ходьбы от Пекина. Нужны люди, будет большая работа. Записка в боковом кармане. Буду... буду следить за вами оттуда...»

Рука китайца разжалась, и голова упала в воду. Он умер.

Не обращая внимания на щелкающие кругом пули, Львов ловко обыскивал многочисленные карманы намокшего мундира. В одном нащупал сложенный вчетверо пергамент. Припав к земле, быстро развернул его. На желтоватом листе выступало сделанное тушью изображение черного дракона с выпущенными когтями, бьющим землю хвостом и хищно открытой пастью. Изображение окружали четыре зеленых иероглифа. Как сожалел Львов, что своевременно не выучился этой головоломной китайской грамоте.

Резня в роще продолжалась. Шатающиеся стволы были окутаны непроницаемой дымовой завесой. Но со стороны станции уже подходила подмога — новый стройный батальон правительственных войск. Львов отбежал в сторону — не попасть под ноги марширующих — и осторожно растянулся за чьим-то скрюченным, окровавленным трупом.

4. Ужасы подземелий Ху

Уже начало смеркаться, когда запыленный путник в платье китайского офицера взобрался на глинистый холм, служащий подножием освещенного храма Справедливости. Несколько секунд он нерешительно рассматривал узорные выцветшие колонны и полукруглые тройные ворота входа. Затем вошел внутрь.

Как-то раз, в одном из разговоров, убитый Ли-Хуен-Ченг рассказал Львову о храме Справедливости и о находящемся под ним заброшенном подземелье Ху. Еще тогда

Львов уловил в его словах некоторый оттенок преднамеренности. И теперь, шагая по каменному, покрытому толстым ковром грязи полу, он восстанавливал в памяти отдельные моменты рассказа.

Он чиркнул спичкой.

Прямо перед ним на массивном возвышении, образующем полукруг, возвышались семь темных божественных статуй. У средней, усевшейся по-турецки и сложившей на животе руки, раскосое лицо с закрученными усами, оскаленными зубами и приплюснутым носом страшно смотрело перед собой широко открытыми, выкаченными глазами. Другие шесть, — помощники бога Справедливости, грозно протягивали к предполагаемому преступнику неподвижные, каменные руки. Вся группа производила, действительно, устрашающее впечатление,

Китайские кумирни славятся своей исключительной запущенностью. Шагая по грудам мусора и нечистот, Львов обошел алтарь, за которым оказался узкий проход внутрь. Он двинулся по этому проходу.

Справа открылась уходящая вниз узкая дыра. Львов нащупал пергамент в одном кармане и револьвер — в другом. Начал спускаться по широким ступенькам невидимой лестницы.

От спуска шел коридор вправо. Через несколько поворотов вдали замерцал красноватый свет. Львов подкрался ближе и замер перед открывшейся бредовой картиной.

В круглой, освещенной дымящимися факелами пещере спускалась с потолка толстая цепь, нижним концом охватывавшая шею обнаженной человеческой фигуры. Концами ножных пальцев подвешенный упирался в землю. Судя по равномерному вздрагиванию тела, он был жив. А приглядевшись внимательнее, Львов увидел, что под его голыми ногами тлела гряда углей, от которых шел запах паленого человеческого мяса. На волосатой груди казненно-го была сделана крупная китайская надпись.

Голый человек вдруг схватился руками за цепь и, поджав обуглившиеся ступни, закачался из стороны в сторону. Но недостаток сил снова заставил его принять прежнюю

Голый человек вдруг схватился руками за цепь.

позу. Он вытянулся опять, упираясь изуродованными ступнями в тлеющие уголья.

Львову сделалось не по себе. Он запагал от пещеры, испытывая головокружение и сильную тошноту. Освещенное отверстие исчезло за поворотом. Послышались странные звуки как бы падающей вниз земли. Он шагнул еще и вздрогнул. Вытянутая нога не нащупала твердой поверхности!

Вспыхнувшая спичка разорвала тяжелый мрак. Рука, державшая ее, заметно дрожала.

Было ясно, что пол коридора провалился в двух местах. Он стоял на маленькой площадке, с боков которой возвышались стены, а обе стороны обрывались в бездну неизвестной глубины. Из бездны дул сырой, холодной ветер.

В мозгу Львова мелькнули обрывки воспоминаний. А вдруг это не так? Тогда конец. Но в таких случаях главное — не проявлять колебаний! Он вытянул руки и прыгнул в холодную пустоту.

Он пролетел не более двух аршин. Придвинувшееся дно ударило его по всему телу. Он лежал плашмя, в то время как холодные, липкие, светящиеся пальцы ощупали его сразу по всем направлениям.

Схватился за карманы. Револьвер, документ и спички исчезли. Но темнота вдруг исчезла тоже, вытесненная светом, лившимся из невидимого источника.

Перед ним стоял почти обнаженный мускулистый монгол, направлявший в грудь пришельца острие кривого меча; страшно гримасничая, он подался ближе. Львов взглянул на землю и увидел такой же меч, лежавший у его ног. Он наклонился и ловко отбил направленный в голову удар нападавшего.

Фехтование разгоралось. Львов перешел в наступление, воскрешая в памяти уроки, полученные в юнкерском училище. Мрак. Меч с силой вырвало из ослабевших пальцев. Чьи-то руки подхватили и понесли покорное тело. Затем бросили на землю и сжали со всех сторон, лишив возможности малейшего движения...

Нельзя сказать, чтобы за все это время Львов переживал приятные ощущения. С одной стороны, он сразу догадался, что «дети черного дракона», наподобие европейских масонов, испытывали, достоин ли вновь поступающий сделаться членом тайного общества. Все случившееся с момента вступления в подземелье было приблизительно знакомо ему по книгам. Но, с другой стороны, что стоит окаянными азиатам и в самом деле прикончить ненавистного белого? И что только заставило связаться в эту грязную историю!

Его неприятные ожидания отнюдь не рассеялись, когда свет блеснул снова и он, беспомощно пригвожденный к земле, увидел над собой высокий свод закопченной пещеры, две свирепые широкие физиономии, склонившиеся над ним, и отточенное лезвие ножа, занесенное костлявой рукой у самого его горла.

Внимание заполнил какой-то монотонный голос, звучавший в близком расстоянии. Чтение, — судя по вычурному старинному слогу, это было чтение, — производилось, несомненно, для него. Он услышал:

«И сказали приехавшему из-за океана послы могучего императора Мии: “Уйди, потому что страна спящего Дракона закрыта для людей с белой кожей и черной душой. Ты привез нам то, от чего сладко становится телу мудрого и глупца, и мысли уносятся в небесные страны. Увези эту вещь — чувствует народ великого Дракона, что только позор и слабость принесет она нашей стране”. Но человек с большой джонки не послушался мудрой просьбы.

Он сказал: “Груз моего корабля тяжел и нуждается в выгрузке. Все мои сбережения потрачены на покупку этого груза. Позволь, о, император, обменять мой опиум на легкие шелка и тяжелые серебряные слитки твоих подданных!”

И разгневался император, потому что мог читать в будущем. И послал воинов прогнать в зеленую бесконечность человека — хозяина большой джонки — первого, указавшего дорогу тысячам пришедших потом. И приказал потопить его сладкую отраву.

И человек с корабля — свирепый белый дьявол Ка-питан Лайон, не испугался гнева императора. Принесли его рабы длинные трубы, выбрасывавшие огонь и железо и истребили слуг Дракона. Обменял пришелец свои товары на мягкий шелк и тяжелое серебро. И ушел в океан — в бесконечную зеленую бездну — первый из тысяч, пришедших потом.

Проходили дни. Проходили года. Проходили столетия.

Цин сменил Мия. Цина сменил восставший народ. Но одинакова власть белых дьяволов. Одинакова.

Теперь близок час избавления. Желтый дракон — великое светило дня — взирает еще на рабство своих детей. Но Черный Дракон — ночь — уже откармливает под своим крылом тех смелых, которые прогонят поработителей. Которые прогонят!»

Голос умолк. Послышалось шуршание приближавшихся шагов. Затем над самым ухом Львова раздался тот же голос:

— Пришелец, ты, испытанный видом смерти, страхом пропасти, силой меча! Хочешь ли ты вступить в ряды детей Черного Дракона? Клянешься ли бороться против твоих братьев-белых и мстить потомкам первого поработителя — Ка-пи-тана Лайона? Особой приметой отмечен каждый из них. Клянись, и да омоет кровь уста, загрязненные ложью!

Какая-то судорога сдавила горло распростертого на полу. Его охватил непонятный детский ужас. Два раза он открывал рот и рот закрывался, не произнося ни звука. Блестящее лезвие ножа дрогнуло в сжимавшей его руке. Сбрав всю силу воли, Львов прохрипел:

«Клянусь!»

5. Дракон разевает пасть

В тот же момент пленник почувствовал себя свободным. Подавив дрожь нервного напряжения, он вскочил на ноги. Стоявший сзади накинул на него мягкий шелк длинной

черной одежды.

Большой сводчатой пещере с потолком и стенами из желтого лесса была искусственно придана правильная четырехугольная форма. От наполовину затянутых черным стенами к центру, где стоял плетеный желтый стол, правильные четырехугольники человеческих рядов. Сидевшие на полу, обхватив ноги руками и прижав колени к подбородку, все присутствующие были одеты в черные халаты, особенно подчеркивавшие мертвую желтизну лиц. За столом посредине сидел высохший морщинистый старик. На спине и на груди его желтой одежды были сделаны изображения черного дракона. Он повернул к Львову прорезы блестящих зеленоватых глаз.

— Простит ли нам суровый русский брат устроенное ему испытание? Многие его обряды устарели, но оно имеет глубокий внутренний смысл. Теперь вы целиком принадлежите нашему обществу. Приветствуем вас именем Черного Дракона.

Старик помолчал, точно собираясь с мыслями. В это время Львов успел опуститься на место в переднем ряду, указанное ему китайцем, исполнявшим, очевидно, должность церемониймейстера. Старик заговорил снова:

— Конечно, благородный брат, мы и раньше знали о вас по рассказам Ли-Хуен-Ченга. Его рекомендация, — председатель взял со стола пергамент, исчезнувший из кармана Львова, — его рекомендация передает вам все права и обязанности, которые он имел в Обществе. Но перед этим вы, конечно, должны будете показать себя в работе. Теперь к делу!

В заднем ряду поднялся маленький, толстый китаец.

— Внимательные братья, исполнивший возложенное на него поручение Шанг хочет сделать сообщение!

Шанг заговорил:

— Благородные, справедливые и зоркие дети Черного Дракона. Мне было приказано выяснить, правильны ли слухи, принесенные Ю-Ао-Цяном: действительно ли имеется тайный договор между северным правительством Чжан-Цзо-Лина и одной из европейских держав. Такой договор

есть, действительно. Он подписан Чжан-Цзо-Лином с одной стороны, и французским послом — с другой. Он дает огромные преимущества Франции в ущерб Японии — хозяйке Чжан-Цзо-Лина, и другим заинтересованным странам.

Ввиду того, что договор имеет исключительную важность, правитель севера предпринял для его сохранения особые меры. Китайский подписанный экземпляр хранится в монастыре «Бао-Дун» в центральном Тибете. Точное место его хранения неизвестно никому!

При общем одобрительном пощелкивании докладчик сел на место.

Заговорил сидящий у стола.

— Итак, высокие братья, наше предположение оправдалось. Есть документ, оглашение которого повлечет за собой военное выступление всех обойденных держав и падение подписавшего его правителя, которому сейчас улыбается удача. Этот документ даст большую власть имеющему его на руках.

Владея им, мы сделаемся хозяевами могущества Чжан-Цзо-Лина. Это главное. Нам известно, как непрочно пекинское правительство У-Пей-Фу, в чьи руки скоро перейдет власть! Мы установили дружескую связь с южными революционерами — сторонниками Сунь-Ят-Сена. Нам нужно сделать последний шаг.

При помощи договора генерал Чжан-Цзо-Лин будет принужден повиноваться Черному Дракону. Уже назрели злоба и ненависть. Дымится и готово вспыхнуть иссушенное лицо «зеленеющей страны». Близок день — оно вспыхнет, испепелит всех попирающих его подошвами ног...

Мы получим документ, мы должны получить его. Но как... Проницательные братья, не проснулась ли у кого-нибудь из вас счастливая мысль?

В переднем ряду поднялся другой оратор.

— Отец мой, Фа, я предложу самое простое и лучшее, что можно придумать. Дело необходимо сделать тайно: договор должен без шума очутиться в наших руках. Его, конечно, хорошо спрятали в неприступном храме лам. Здесь нужна хитрость. Между нами находится новый брат: русский

революционер, Ли-Во. Он, конечно, привык к таким делам. Не скажет ли он своего веского слова по этому вопросу?

Все глаза обратились на Львова. Он сидел, скрестив руки, с торжественным, задумчивым выражением лица, как бы не обращая внимания на упоминание своей фамилии. Председатель Фа, — тоже нашел нужным вставить свое слово:

— Брат мой, Ли-Во, что ты ответишь на слова говорившего сейчас? Охватила ли твоя мысль важность того, о чем говорят дети Дракона? Не внушил ли тебе дух твоего отца спасительного исхода?

Львов медленно встал на ноги.

— Слушайте, дети Черного Дракона. Вы спрашивали — я отвечаю. Трудна задача, поставленная перед нами. Но еще более трудные вещи приходилось разрешать нам, русским борцам за свободу. Слушайте!

Здесь, вдали от места, где спрятана бумага, трудно решить что-нибудь. Нужно приехать туда. Найти человека, который знает тайник. Выведать у него секрет. И потом уже действовать. Вот лучшее, что можно придумать. Я сказал.

Председатель и все собратья удовлетворенно закивали. Им понравилось осторожное предложение.

Фа заговорил, приподнявшись с сиденья:

— Глубокомысленные братья, мы слышали, что сказал Ли-Во. Его предложение понравилось вам. Слушайте теперь, что говорит Дракон:

«Трижды благословенный сын своего отца, Ли-Во, будет руководить похищением. Он отправится завтра. Инструкции он получит в особой тайной беседе. В помощники ему мы дадим достойных братьев Шанга, Ю-Ао-Цяна, Ци-Мо и Абу-Синга. Ответственность падает одинаково на всех пятерых».

Помните, братья, неудачи здесь быть не может. Все вы видели сегодня, как наказал Дракон брата Кванга, доживающего в красной пещере свои последние минуты. Такое же наказание, — Фа поочередно остановил тяжелые зрачки на каждом из пятерых выбранных, — может постигнуть всех вас. Помните это, исполняя возложенное на вас дело.

А теперь, дети Дракона, пожелаем счастливого возвращения нашим сильным, проникательным, удачливым братьям!

Фа опустился на стул. Собрание перешло к очередным делам.

НЕВЕСТА ЖИВОГО БУДДЫ

1. Странное поведение Абу-Синга

Вот какие картины в первую очередь должны пройти перед глазами читателя:

Комната китайского дома. Покрытый циновками пол, широкие каны* вдоль пестрых стен; на круглых резных столиках — трубки, документы, оружие. Пять горячо беседующих единомышленников, в широких шароварах и цветных китайских халатах. Один из них — костлявый европеец с острой черной бородкой. На его подвижном, потрепанном лице выражение легкой внутренней напряженности.

Пекинский вокзал. Суэта, протяжные крики носильщиков, белый свет качающихся фонарей. Пять по-дорожному одетых китайцев садятся в поезд Пекин-Хань-Коу. Один из пятерых оборачивается назад. Под китайской шляпой мы видим острые глаза, бледную кожу и черную бородку европейца. Поезд отходит.

Путешествие. В грязном, закрытом ящике вагонного купе — пять пассажиров. Человек с лицом Запада, в одежде Востока сидит у окна. Мимо проносятся поросшие зеленью красноватые скалы, желтые сухие поля, строящиеся здания — будущие фабрики, и разрушенные деревни — следы граж-

* Кан — низкая, широкая каменная скамья.

данской войны. Человек с бородкой отворачивается и смотрит вперед с особенным злым выражением. Напротив выступает бронзовое, как будто из камня вырубленное лицо одного из его спутников. Большие черные глаза на мгновение скрещиваются с глазами европейца и медленно опускаются в пол.

Так началось и продолжалось путешествие пяти посланцев Дракона. У одного из них скрыт в широком рукаве халата сложенный лист рисовой бумаги — важная инструкция, в последний момент врученная ему самим Фа. А инструкция — верный способ добыть документ, спрятанный в таинственном монастыре. Инструкция должна быть распечатана перед самым Хань-Коу. Достанут ли документ пять посланцев? Можно ли сомневаться, если каждый из пяти знает, какая мучительная смерть ждет его в случае неудачи.

Один из путешественников — толстый, низенький Шанг, с плоским, припухлым лицом, откинулся на стенку сиденья и отчетливо произносит непонятные слова и фразы. Двое других внимательно слушают этот урок тибетского наречия. Целых две луны продлится путешествие — за это время можно кое-как научиться языку. И только Абу-Синг — человек с большой головой и черными глазами на бронзовом лице — не слушает их. Он сам из Тибета. Только человек с черной бородкой — Львов не обращает внимания на скучное бормотание: испытующие, глубокие зрачки Абу-Синга — вот то, думать о чем он осужден, не переставая.

Это началось на следующее утро после приключения в пещере «Черного Дракона». Абу-Синг — «старший брат» Львова — ему поручено помогать новому члену общества на его трудном пути. Синг обучает Львова условным знакам, несложному языку, понятному только членам общества, искусству естественно носить восточный костюм. Но почему же Абу-Синг не удовлетворяется этими уроками? Он как-то слишком внимательно присматривается к своему ученику, слишком старается заглянуть в самую его душу.

Во время первой ночевки в вагоне, проснувшись как бы от толчка, Львов увидел большеголовую коренастую фи-

гуру, как ни в чем не бывало укладывавшуюся на противоположную скамью. Неужели Абу-Синг старался восстановить истинную личность Львова по несвязному бормотанию спящего? Зачем?

Поезд неся вперед через горные расселины. Горбатые мосты, широкие поля, разгороженные на маленькие квадраты... Львов с отвращением закусывал на грязных станциях, смотрел в окно, ходил по вздрагивавшему полу вагонов между дремлющими или громко беседующими путешественниками-китайцами. С внутренним содроганием снова возвращался в свое отделение. Он проклинал обстоятельства, заставившие его связаться со всей этой темной историей и, некоторое время равнодушно просидев под вопросительными взглядами Синга, снова шел в однообразную прогулку — по гремящим, бегущим вдаль вагонам.

В узком проходе одного из крайних купе стоял хорошо одетый китаец. Он размахивал руками и кричал на весь вагон. Его слушатели одобрительно кивали голыми макушками выбритых голов. Только двое — с щетинистыми головами и мускулистыми руками и шеями, в синих грязных балахонах и коротких штанах, не принимали участия в общем оживлении. Оратор говорил:

— Иностранных душителей пора изгнать из Китая. Подумайте, о, внимательные! Всем нам, китайским коммерсантам, приходится быть их подручными или закрывать свое дело. Кто освобожден от того налога, под тяжестью которого рыдают китайские купцы? Кто скупает за бесценок и увозит за океан все материи, хлопок, чай, произведенные нашими руками? Кто ввозит плохие товары и имеет возможность продавать их на много чохов дешевле здешних? Наши рабочие голодают, наши лавки закрываются. Кто выколачивает все богатства из «благословенной страны»? Кто, как не эти проклятые белые дьяволы?

Прислушивавшийся к разговору Львов почувствовал у затылка чье-то тихое дыхание. Он обернулся. Сзади — Абу-Синг. На его темном лице выступало загадочное выражение.

— Обращаете внимание? — Синг кивнул на говорящего. — Вот кто проповедует сейчас независимость Китая. Это представитель нашей окрепшей буржуазии. Ему тесно вместе с иностранным конкурентом. А те двое, в синих балахонах, — они не говорят ни слова. Они знают, чьими руками будет добыта эта независимость.

Синг приостановился, следя за выражением лица собеседника.

— Эти кули — простой народ — тоже стремятся к свободе, но пока они думают чужими головами. Пока они не чувствуют сами, какую выгоду даст им изгнание иностранцев. Они еще не понимают, что та революция, которой мы ждем, будет похожа на вашу февральскую, а за февралем следует Октябрь...

Львов мучительно почувствовал, что Синг непременно хочет втянуть его в этот разговор. Он должен показать здесь свои коммунистические познания. Но как показать то, чего нет и никогда не было? Глаза Синга, сверкавшие черным пламенем, погасли. Он ждал. К счастью, затруднения Львова совершенно неожиданно исчезли благодаря тому же красноречивому купцу.

Продолжая ораторствовать, он незаметно повернулся к Львову и вдруг увидел его лицо типичное лицо одного из тех иностранцев, против которых была направлена его речь. Перемена произошла мгновенно. Оратор смолк на полуслове. Подобострастно сторбившись, он пробрался на свое место к окну и сделал вид, что очень заинтересован жалкой деревушкой, развертывавшейся впереди. И только когда страшный белый дьявол исчез за захлопнувшейся дверью, смелый борец за свободу решился окинуть робким взглядом своих притихших собеседников...

Поезд подходил к Хань-Коу. В купе — пятерка. Абу-Синг плотно прикрыл дверь в коридор. Пять бритых голов с жадным любопытством склонились друг к другу. Одутловатый Шанг извлек из складок халата небольшой пакет, скрепленный черной печатью.

2. Цена секретного документа

Пятеро посланцев прочли под грохот и свистки приближавшегося к Хань-Коу поезда:

«Именем дымящегося лица опозоренной страны и великого Черного Дракона. Вот средство проникнуть в недоступный монастырь Бао-Дун. Знающий истину знает, что эта крепость населена последователями одной из тайных религий, которыми полон Тибет. Избранники Дракона, узнайте историю этого смешного мудрецу, но близкого сердцам многих — учения.

В далекие времена, — говорят священные книги Бао-Дун, — когда Бодисатва, Будда, проходивший сквозь земные искушения, скитался по ветряным ущельям и снеговым горам Тибета, остановился он на ночлег в хижине одного из горных охотников. Дочь охотника — прекрасная Бао-Дун, с волосами мягче шелка и кожей белей молока, ласково приняла скитальца, накормила дзямбой и бараниной и приготовила место для сна. И отметил Бодисатва ее красоту в своем сердце и призвал к себе на ложе. Так проходящий через все прегрешения прошел через грех земной любви. Так семя великого бога было заронено в утробе грешной женщины.

И родился у женщины сын. И, уходя в Нирвану, открыл Будда трем любимым ученикам — Люю, Ду и Цзы-Сы тайну рождения. И велел охранять того, одному из потомков которого предназначил совершить великое. Бережно охраняли три любимых ученика сына своего бога и, умирая, завещали продолжение дела своим ученикам.

Поколения сменили поколения. В неприступном монастыре Бао-Дун, выстроенном верующими на месте охотничьей хижины, оболочка души живого бога старилась, умирала, заменялась новой оболочкой. Потомки первых последователей учения зорко охраняли потомков самого Будды. Охраняли от всяких бед и от злобы ложного Будды, правящего Тибетом.

Каждый раз, когда смертная плоть живого бога достигает совершеннолетия, жрецы его начинают думать о продолжении его потомства. Во всех концах “цветущей страны” начинаются поиски достойной разделить ложе бога. Эта женщина должна быть похожа на первую жену Будды — женщину с волосами как шелк, и лицом — блее молока.

Найдя достойную быть матерью нового Будды, ее привозят в монастырь. Только одну ночь дает своей избраннице Будда, только один раз бросает в нее семя новой жизни. А после рождения новой оболочки родившую удаляют туда, откуда нет возврата, в страну, имя которой смерть.

Вот что говорят книги Бао-Дун. Дети! Дракон сказал мне, что, пользуясь этой сказкой, мы сможем добраться до неприступного хранилища бумаги.

Наступило время совершеннолетия потомка Будды. Верующему в Бао-Дун члену нашего братства поручено отыскать избранницу бога. Он передает свои полномочия вам. Здесь приложены знаки, указывающие носителя священного приказа.

Дети! Несмотря на поиски, во всем Пекине не оказалось женщины с волосами мягче шелка и кожей блее молока. Осмотрите “дома наслаждений” и курильни Хань-Коу. Если не сможете купить женщину, нужно ее украсть. Но торопитесь. Срок истекает. Бумага скрыта в сокровищнице монастыря, позади зала “явлений Будды”...»

...Поезд влетел в крытый гремющий вокзал Хань-Коу. У широкого наружного подъезда ждали ряды рикш — голых до пояса волосатых людей, каждый из которых имел за спиной высокую двухколесную тележку. Приняв седока, развалившегося на легком сиденье, человек-лошадь пускался вперед, легко катя тележку по пыльной дороге. Так зарабатывают свое пропитание тысячи придавленных людей — представителей «свободного» китайского народа.

До квартала, в котором находились наиболее скрытые и подозрительные притоны Хань-Коу, было не более двадцати минут ходьбы. Пятеро спутников быстро зашагали вперед.

И опять, по какой-то странной случайности, оказалось, что меланхоличный Абу-Синг очутился рядом со Львовым. Снова Львов почувствовал тяжелое ожидание, которым окружал его загадочный спутник. Он решил нарушить молчание каким-нибудь серьезным, подходящим к случаю разговором.

— Эта инструкция Фа... — Львов сделал рукой неопределенный жест, — там есть одно странное место по поводу покупки женщины. Мне это показалось похожим на сказку. Неужели теперь, в 1924 году...

Синг горько улыбнулся:

— Да, в 1924 году. Бесправие китайских женщин ужасно. Вас удивляет, что сейчас можно купить в тайном при-tone женщину, украденную еще ребенком и воспитанную специально с этой целью. А вы знаете, что еще в начале нашего века многие мужья временно отдавали в публичные дома своих жен, за что им выплачивали ежемесячное вознаграждение? Наша женщина не умеет не только читать, — она не умеет даже думать. Наша женщина — это или кусок мяса, созданный для наслаждения мужчины, или ходячий деторождающий аппарат. Прочтите по этому вопросу труд вашего соотечественника — доктора Корсакова. Он прожил пять лет в Пекине конца прошлого века. Он дает довольно безотрадную картину состояния наших женщин.

— Но теперь, — Львов говорил очень осторожно, стараясь припомнить все читанное о Китае, — разве революция 1911 года не помогла женскому движению? Мне кажется, что ваши женщины не так уже слепы, как вы их представляете... Я слышал о революционерке Цю-Дзин, основавшей женское движение и казненной последним императором. Мне кажется..

— Это единичный факт. Наша «великая революция» сделала только то, что официально отменила обычай уродовать женские ноги. Фактически — это изменилось в Китае после этого переворота. Бесправные раньше остаются бесправными и теперь. Да вот, там, куда мы идем, вы увидите хорошие экземпляры современных китайских женщин. Дома терпимости растут, как рис при хорошей погоде. Как же

иначе, если капиталистам выгодно развращать и ослаблять рабочее население... Осторожнее!.. Ну, вот мы и на месте...

Перед собеседниками, уже несколько минут пробиравшимися по темным кривым улицам окраинного квартала, качался тусклый газовый фонарь. Фонарь освещал низкий каменный фасад одноэтажного здания с широкой выцветшей вывеской «Джун-ди-фан».

3. Покупка женщины

Пестрая, разукрашенная яркими ширмами, вышивками и цветными фонариками, устланная ковриками и подушками приемная — вот куда прежде всего проводят посетителей Джун-ди-фана — китайского публичного дома средней руки. Старинная вежливость требует, чтобы посетитель сперва выпил чашку чая и побеседовал с хозяйкой заведения о посторонних вещах, а потом уже излагал цель своего посещения. Но пятеро покупателей живого товара не были расположены к такому точному выполнению обычая.

Как только Ляо-Бань — дряхлая, разряженная в яркие шелка китаянка — хозяйка дома — явилась на пороге, толстый Шанг коротко, почти грубо изложил на условном воровском наречии цель посещения: им нужна женщина... Самая прекрасная... Нет, не на время, а совсем: они купят ее за звонкую монету... Ну, неужели же такая почтенная женщина не может понять эту простую просьбу? А, может быть, этот мешок полновесных пекинских таэлей сделает ее движения более гибкими?

Хозяйка хлопнула в ладоши. Вбежала молодая китаянка и скрылась, выслушав несколько отрывистых приказаний. Молодой монгол неподвижно вытянулся за спиной старухи. Пестрая входная занавеска вздрогнула, и в дверь вошла партия из предназначенных к продаже.

«Послушная добродетель», — как отрекомендовала ее хозяйка притона, — была маленькой девушкой с лицом цвета шафрана и крошечными, одетыми в блестящие башма-

ки ножками. Сколько нужно мучений и искусства, чтобы не дать ступне вырасти до нормальной величины и сохранить у взрослого человека ногу пятилетнего ребенка. Но закон, официально отменивший уродование ног, не мог сразу переменить требований китайской моды... Позвякивая браслетами и шелестя шелком одежды, она прошла по коврам и скрылась за противоположной занавеской.

Она не подходила. Не подходила также и следующая — стройная индуска, вскинувшая на пятерых оценщиков большие черные зрачки и исчезнувшая вслед за первой. Женщины проходили одна за другой — легкие и красивые, но далекие, — это ясно понимали присутствующие, — от той красавицы, которая нужна в жены «живому богу».

Китаец, почтительно стоявший в углу комнаты, наклонился через плечо грузной хозяйки и быстро зашептал ей на ухо. Та только слегка шевельнула плечом, оборвав непрошенные советы. Но неподвижный, похожий на желтолицего удава Ю-Ао-Цян уже заметил ее мгновенную нерешительность.

— Мать моя, — медленно заговорил он, приподымаясь с подушек, — ты показала нам многих прекрасных обитателей твоего дома. Но от нас скрыта лучшая из них. Не отказывайся...

Все увидели слишком резкий знак отрицания, выдавший ее.

— Смотри, мы не шутим, мы расплатимся тяжелыми ланами и верными обязательствами на имя здешнего банка. Смотри!

Он высыпал на циновку грудку приятно звякнувших серебряных слитков — «таэлей» или «лан», — наиболее употребительной в Китае крупной монеты, и тряхнул перед ее глазами пачкой денежных бумаг. Старуха вытянула морщинистую шею, и ее тусклые глаза еще глубже зарылись в желтые складки щек.

— Но, господин мой... но... между вами... о, нет, твоя проницательность обманула тебя, сын неба... Все, что имеется в этом бедном доме, прошло сейчас перед вами.

Ю-Ао-Цян потер рукой покатый лоб и вдруг вскочил на ноги, указывая на Львова.

— Я понял. Ты боишься его, благородного ференджи. Но тогда успокойся, мать. Он так же, как и мы, ищет прекрасную девушку... Он... — Ю-Ао-Цян прошептал несколько непонятных слов.

Старуха скользнула из комнаты, сопровождаемая молодым подручным. Где-то за перегородкой послышался ее пронзительный голос, слова увещевания, произносимые китайцем, и чей-то отчаянный крик. За дверью началась энергичная возня, и пестрый занавес резко рванулся в сторону.

Пятеро ожидавших разом вскрикнули от восхищенного удивления. — Да, это — та, которую они ищут. Та, кого дожидается монастырь «Бао-Дун».

В комнату вбежала и замерла при виде пяти незнакомцев девушка лет двадцати, одетая в темное европейское платье. Ее округло вычерченное бледное лицо, окруженное белокурыми распущенными волосами, было исковеркано страхом и отвращением. А когда она подняла обнаженную до локтя нежную руку, все увидели полосу от удара хлыстом, резко выступавшую на розовой коже.

— Но ведь это же белая! — пораженный Шанг вскочил на ноги, пожирая глазами стройную и тонкую фигурку. Львов только свистнул, поудобнее усаживаясь на мягком сиденье.

— Да, это белая, великий господин. — Старуха, очень довольная и в то же время немного трусившая, причмокивая, ходила вокруг девушки. — Но она не украдена, — да засвидетельствуют это души всех моих предков. Она воспитана мной для высоких господ, к числу которых принадлежите вы. — Девушка хотела что-то сказать, но дьявольски жестокое выражение лица старухи разом заставило ее закрыть рот.

— Хорошо, — Шанг перешел к делу, — сколько ты хочешь за эту женщину?

Старуха обдергивала платье своей жертвы, оглядывая гостей алчными глазами.

— Видите, дорогие гости, вам понравилась девушка. Но она стоит дорого, очень дорого... Не дороже своей настоящей цены... Она стоит пять тысяч полновесных таэлей.

Вглядываясь в неподвижно стынувшие лица покупателей, она заговорила еще оживленнее:

— Она прекрасна, как луна. Ее тело — розовеющий жемчуг. Ее груди крепки, как шишки молодого кедра, и ароматны, как розы. Ни один мужчина до сих пор не прикасался к ним. Ее спина стройнее и гибче бамбука. Ее живот... но, добрые благодетели, зачем мне напрасно утруждать свой язык? Вы сами увидите, каких денег она стоит. Разденься, дочь моя, и покажи свои достоинства своим будущим господам.

Это было довольно неожиданное заключение. Та, к которой было обращено приказание, закрыла лицо руками и с протестующим криком отскочила к стене. Китайцы сидели неподвижно. В комнату вбежали два рослых субъекта в долгополых халатах — жуан-ды (вышибалы) дома. По знаку хозяйки, они бросились к пронзительно закричавшей девушке...

— Довольно!

Короткое китайское слово свистнуло, как хлыст, в обстановке напряженного ожидания. Абу-Синг стоял, выпрямившись во весь рост, с протянутой вперед рукой. В кулаках вышибал сверкнули неизвестно откуда взявшиеся короткие ножи. Они угрожающе обернулись к Сингу. Старуха тоже обратила к нему дрожащие губы посеревшего пергаментного лица.

— Довольно. — Синг толкнул ногой груды серебра и взял ассигнации из рук Шанга. — Мать моя, мы видим, что девушка подходит нам. Мы не нуждаемся в излишних доказательствах. Ты просишь пять тысяч таэлей? Вот тебе три тысячи. Больше тебе не даст никто. Не очень-то безопасно торговать сейчас белыми девушками. Бери деньги и передай нам товар. И, да процветешь в мире ты и души твоих предков!

Старуха молча протянула к деньгам цепкие пальцы пухлых, украшенных массой колец и браслетов рук. Торг был

Но она стоит дорого, очень дорого.

заключен. Посланцы Дракона нашли ту, ценой жизни которой драгоценный документ очутится в руках борцов за свободу Китая.

4. Монастырь Бао-Дун

И вот — дорога. Полторы тысячи верст верхом по гористой, изрезанной реками стране. Два месяца непрерывной езды с пленной женщиной на руках, под постоянной угрозой ареста и гибели всего дела. Кто знает — не встретится ли им патруль европейских или американских солдат, который почувствует подозрение и велит выдать на допрос странную пассажирку, спрятанную в глубине крытых носилок? Кто знает, какие приключения испытают они в далеком, загадочном Тибете?

За долгие недели путешествия по огромной стране среди шести спутников — одной женщины и ее пятерых хозяев — успели установиться довольно странные отношения. Точнее говоря, отношения установились только между тремя из шестерых.

Трое «детей черного дракона» — Шанг, Ци-Мо и Ю-Ао-Цян — смотрели на девушку почти как на неодушевленный предмет, как на цену за обладание нужными обществу бумагами. И, как таковая, цена эта должна была бережно охраняться. Ее не смел касаться ни один лишний взгляд, ни одна могущая произойти неприятность. Абу-Синг же — но об Абу-Синге мы позволим себе поговорить немного позже...

Согласно с вышеизложенным, складывалась и та относительная свобода, которой начала располагать девушка, как только вступили в полосу настоящего, почти не захваченного западной «культурой» Китая. Она свободно ехала на лошади, пользуясь, кроме того, всяческими услугами своих «охранителей». Ведь это нужно для блага общества, для того, чтобы благополучно довести покупку до места назначения. Что же касается Львова...

С самого начала пути он, чувственность которого сильно разогрелась первой сценой в притоне, стал преследовать пленницу своей любовью. Когда маленький караван останавливался на ночь, он оказывал ей массу мелких услуг, разводил для нее отдельный костер, выискивал лучший угол в невероятно грязной сельской гостинице. Он старался войти в ее доверие, отпускал массу любезностей на всех известных ему языках. «Нельзя ли отыскать вместе средство к спасению?» — нашептывал он во время своих дежурств около нее. — «Кто она? Как попала в китайский притон?» Но та же сцена, которая впервые зародила любовь у Львова, показала ей истинную подкладку его ухаживаний. Она молчала. А его попытки перейти к «методу прямого действия» во время одной из ночевок тоже не увенчались успехом. При первом прикосновении его жестких пальцев она вскочила на ноги, красноречиво приставляя к своему горлу острие раздобытого где-то ножа...

Зато совершенно другие чувства испытывала она при виде Абу-Синга. Под маской жестокого покупателя живого товара она старалась угадать смелый и честный характер. Синг догадался пресечь отвратительную сцену в публичном доме. Синг спас ее дважды во время пути: из мутного кипящего водоворота и от рук грабителя. И молчаливый коренастый тибетец часто чувствовал на себе два различных взгляда: благодарный и умоляющий — больших голубых глаз и злой, вспыхивающий ревностью — Львова. Была ли права девушка, делая героя из мрачного, всегда занятого и рассуждающего о политике Абу-Синга?

...Перед массивными воротами высокой глиняной стены Ю-Ао-Цян* соскользнул с седла и взял под уздцы лошадь девушки. Синг и пятый член экспедиции — гориллообразный Ци-Мо — сжали ее с обеих сторон потными боками своих лошадей. Спешившийся Шанг сильно зазвонил в медный гонг, висящий у входа.

* Этот персонаж именуется в тексте разными именами: Ю-Ао-Цин, Ю-о-Цян, Ю-Ао-Цян. В данном издании принят вариант Ю-Ао-Цян как встречающийся наиболее часто (*Прим. изд.*).

Ворота медленно открылись. В темном коридоре, пробоине толстой стены вырос лама-привратник — бритый ушастый старик с узкой повязкой на лбу, в ярко-зеленом подпоясанном балахоне, оставлявшем обнаженными правую руку, плечо и часть груди. Шанг подал полномочия. Привратник исчез за тяжело сдвинувшимися сводчатыми створками. Много времени спустя он показался снова и сделал знак, приглашая следовать за собой.

Караван миновал длинный проход ворот — Львов и Шанг с лошадьми под уздцы, остальные, — эскортируя лошадь полубесчувственной, томящейся тяжелой неизвестностью жертвы.

Широкий, мощный продолговатыми плитами двор подходил на обычные дворы буддийских храмов. Посредине возвышался дворец-храм, с вереницей сводчатых ворот, с резными зелеными и красными колоннами, с маленькими открытыми часовенками, занятыми уродливыми изображениями китайских и индусских божеств. Перед божествами горели масляные лампы и возвышались молитвенные машины. «Ом-мани-падмэ-хум» — бесчисленное количество раз повторяли бумажные ленты, намотанные на большие цилиндры. Стоило жрецу закрутить — за известную плату — один из этих приборов, и тысячи молитв покорно возносились к небу за оплатившего эту операцию. Такое простое и удобное усовершенствование (до него еще не додумались наши священники) имеет большое распространение среди китайских верующих.

Но монастырь Бао-Дун был закрыт для посторонних молящихся. Только изредка в одном из окон показывалась зеленая повязка какого-нибудь жреца. Владелец одной из таких повязок, — в костюме, схожем с одеждой привратника, важно подошел к склонившим головы заговорщикам.

— Вы привезли женщину. Вот эту, — он окинул критическим взглядом запыленную стройную фигуру и бледное лицо. — Да, она хороша. Великий Будда соизволяет немедленно удостоить вас приемом.

6. Прием у живого Будды

Привязав лошадей, шестеро путников быстро прошли в первый зал через узорчатые ворота главного входа. Все стены были уставлены полками с рядами деревянных и металлических божков, священных сосудов и книг, молитвенных цветных ящичков и прочих принадлежностей, дающих окраску любой из существующих религий. Двое распростертых перед статуей Будды «зеленых» лам поднялись на ноги и пошли впереди. То же повторялось в каждой из следующих зал. Теперь перед приезжими маршировали уже около двадцати лам, — почти все население монастыря.

Миновали последний роскошный вход, отделанный золотом и слоновой костью.

Передние ламы вдруг упали на колени и растянулись на мягких медвежьих шкурах, устилавших пол. Приезжие последовали их примеру.

Когда они вошли в зал, он был окутан легкой полутьмой, в которой смутно выступали очертания высокого золотого трона в глубине. Когда же, по примеру переднего жреца, все встали на ноги, картина переменилась.

Сверху лился яркий голубой свет, освещавший богатое возвышение, сидевшую на нем фигуру, зеленых лам, вытянувшихся в две шеренги, и кучку людей, столпившихся среди зала.

На широком золоченом кресле, стоявшем на мраморном возвышении, сидел неподвижным истуканом тонкий юноша-индус с задумчивым, строгим лицом. Его руки были скрещены на животе, спина не облокачивалась на спинку. Но вот он изменил положение и начал с интересом разглядывать вошедших. Когда он рассмотрел стоявшую посредине женщину, его лицо осветилось детски-радостным восхищением.

Бронзолицый стройный жрец, стоявший у трона, склонился к уху юноши. Мгновенное оживление сошло с его лица. Приняв прежний важный вид, он поднял руку, видно, собираясь заговорить.

Но ему так и не удалось произнести заученной заранее высокопарной речи. Шанг издал резкое восклицание. Пятеро приезжих повернулись спинами друг к другу, направляя на лам синюю сталь револьверных дул.

Эффект получился поразительный. Два десятка гордых жрецов замерли на месте с поднятыми руками, в позах, выражающих величайшее недоумение. Один — самый дальний — начал медленно двигаться к выходу, не спуская с оружия больших блестящих глаз. Но Синг заметил этот маневр. Оглушительный выстрел прозвучал особенно громко в высоких пустых залах дворца. Жрец уткнулся лицом в черный мех пола и застыл бесформенным комком ярко-зеленого цвета.

По еле заметному знаку Львов и Ци-Мо, не опуская оружия, отошли к внутренней двери и скрылись среди тяжелого молчания застигнутых врасплох людей...

В следующей комнате был спуск в сокровищницу — четырехугольная чугунная плита, закрывавшая люк в каменном полу. Общими усилиями сдвинули плиту. Ци-Мо прыгнул вниз, приглашая Львова следовать его примеру.

Два электрических луча из карманных фонарей рассеяли тьму маленького подземелья. Из всех углов выступили десятки менявших очертания предметов. Неподвижно смотрели лица золотых Будд, матово переливались усыпанные драгоценностями жертвенные сосуды, сверкали украшения, одеваемые жрецами в особо торжественные дни. Оба похитителя быстро обшаривали кладовую в поисках секретных бумаг.

Ци-Мо, копавшийся в правом углу, заглушенно вскрикнул. Львов бросился к нему. Он увидел, что мускулистый китаец склоняется над тяжелой стальной шкатулкой в странной, неестественной позе. Кисть его правой руки теряется между стенками и захлопнувшейся крышкой. По шероховатым стенкам ящика быстро стекают струйки какой-то темной жидкости.

Львов понял. Ци-Мо увидел документ в открытом ящике и, пытаясь схватить его, был пойман механизмом, приспособленным специально для таких случаев, — индусские

хранилища драгоценностей славятся такими приспособлениями. Ну, что ж, хорошо, что эта участь досталась другому.

Львов осторожно ввел в щель ствол револьвера и сильно дернул ручку. Внутри шкатулки что-то звякнуло, крышка откинулась вбок. Ци-Мо отскочил, прижимая к серым губам изуродованные пальцы. Львов склонился к ящику. Документ находился внутри.

Он развернул тонкий, белоснежный лист...

Он развернул тонкий белоснежный лист, скрепленный внизу двумя печатями, и быстро пробежал текст. То самое, о чем говорилось на собрании «Черного Дракона». Это —

целое состояние для умеющего использовать его. Спрятать на груди... Услышав за спиной новый крик и падение тяжелого тела, он резко обернулся, держа палец на жесткой собачке.

Ци-Мо — желтеющий великан в дорожном платье — лежал, скорчившись, сжимая пальцами левой окровавленную правую руку. Склониться ближе... Лицо лежавшего посинело и вспухло отвратительной оскаленной маской. Механизм шкатулки был отравлен. Сильнодействующий яд быстро расправился с неосторожным.

Львов выпрямился. В его уме сразу пронесся нестройный ряд предположений и планов. Что делать? Вернуться к покинутым в зале и снова подвергаться лишениям и опасностям, неизвестно из-за чего, или бежать одному с ценным документом, который можно немедленно продать за большую сумму? Первое было бы глупо, второе трудновыполнимо, но вполне возможно. А товарищи, покинутые в беде? Во-первых, они китайцы, а во-вторых, риск для них одинаков в обоих случаях. Сознание больно царапнула мысль о покидаемой девушке. Но разве такие пустяки...

Львов сунул бумагу за пазуху, рассовал по карманам несколько золотых вещей, стянул потуже широкий пояс халата и, схватившись за край люка, легко выпрыгнул наружу.

Ход, ведущий через приемную Будды, отрезан для бегства. Остается высокое окно в глубине зала. Он выглянул: на дворе никого. Очевидно, все немногочисленные обитатели присутствовали на приеме «живого Будды». Львов соскочил с полуторааршинной высоты и начал красться к дверям.

Привратник сидел сгорбившись, спиной к дворцу, предаваясь благочестивому размышлению, обязательному для каждого истого буддиста. Ручка револьвера с силой опустилась на его бритый затылок, и он без стога свалился набок.

Отцепить с волосяного пояса ключ, открыть тяжелые ворота, вывести наружу всех лошадей и, вскочив на одну из них, гоня перед собой остальных, пуститься по узкой тропе над туманной пропастью, — было уже более или ме-

нее несложным делом.

Беседуя еще раньше с бывшими товарищами по путешествию, Львов разузнал приблизительное расположение монастыря и направление идущих от него дорог. Он скакал в Британскую Индию — продать документ Англии, Америке или, вообще, стране, при переговорах с которой можно рассчитывать на наибольшее количество золота и банковых билетов.

цена 15 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В ГОРАХ ТИБЕТА

«РАБОЧАЯ МОСКВА».

Часть III

В ГОРАХ ТИБЕТА

1. Прием у живого Будды

Это рассказ о Тибете, о таинственных и опасных приключениях четырех мужчин и одной женщины, заброшенных в глухие горы центральной Азии. Рассказ о скачках, погонях, револьверных перестрелках, — обо всем том, что так мучительно выдумывают многочисленные романисты и что без всякого предупреждения преподносит нам жизнь. Но прежде чем перейти к самому рассказу, выясним вопрос, имеющий большое значение в настоящее время. Именно: кого считает читатель главным героем всего романа?

— Конечно же, Абу-Синга! — возмутится проникательный читатель. Правильно. Но вместе с тем, представляем ли мы себе ясно внешний вид этого человека?

Вот он стоит перед нами в просторном тибетском костюме, перетянутой ремнем меховой куртке, в теплых штанах и сапогах-валенках. Его бронзовое лицо с низким выпуклым лбом, большими карими глазами и толстым носом, — признаком особой красоты в Тибете, — проникнуто выражением крайней настороженности.

Вспомнив положение, в котором мы оставили главных действующих лиц романа, мы не удивимся такому положению Абу-Синга. Ведь Абу-Синг только часть живой картины, представившейся в приемном зале монастыря Бао-Дун.

Когда Львов и Ци-Мо, под прикрытием направленных на присутствующих револьверов, продвинулись к внутреннему входу и скрылись в нем, трое других остались в прежнем положении: спина к спине, с устремленным в разные стороны оружием. Картину дополнял яркий свет, заливавший — неподвижную женщину в дорожном костюме, испу-

ганно столпившихся зеленых лам и высокий золотой трон с сидящим на нем дрожащим потомком бога.

Но мгновенья проходили. И чем больше их было, тем ясней и ярче вырастала перед тремя вооруженными безвыходность создавшегося положения.

Если даже ушедшие за бумагой найдут ее и вернутся благополучно, — как выйти из помещения, наполненного враждебной толпой? И если помещение будет оставлено, — разве жрецы Бао-Дуна не сумеют организовать погоню, — отнять у похитителей драгоценный документ?

Так думали трое оставшихся, и сталь оружия становилась невыносимо тяжелой, а лица окружающих особенно зловещими и загадочными. Но нельзя ли найти другое, более простое разрешение вопроса, не попробовать ли сговориться?.. Не объяснить ли?.. Не опуская револьвера, дипломатичный Шанг повернул толстое лицо к золотому сиденью Будды.

В то же время сидящий на троне тоже показал признаки жизни. На его женственном, полудетском лице все сильнее проступал отпечаток гнева. Он заговорил:

— Чужеземцы! Мысли мои кружатся, подобно испуганным птицам, не находящим гнезд! Кто вы? Зачем убили одного моего слугу? Зачем угрожаете оружием? Знаете ли вы, что стоите перед лицом всемогущего бога?

Шанг ответил нежным и вкрадчивым голосом:

— О, царь царей и воплощение небесного господина! Ты прав, — поступок наш странен и неосмотрителен. Но мы не могли поступить иначе. Нам нужен тот свиток, присланный из Пекина, который хранится в твоей сокровищнице. Взамен его тебе останется прекрасная женщина, привезенная нами. Прости нас. Позволь нам взять бумагу и благополучно покинуть твой храм.

Будда недоверчиво и удивленно покачал головой.

— Бумага? В сокровищнице? Я не знаю ни о какой бумаге.

Оставаясь неподвижным, высокий лама у трона прошептал что-то. Молодое лицо «бога» передернулось раздражением.

— Вы солгали мне, чужеземцы. Мой старший жрец говорит, что никакой бумаги нет в моей сокровищнице. Ничто земное не должно касаться моего божественного слуха. Но я хочу знать правду. Зачем вы пришли сюда? Пусть один из вас, убийцы с маленькими ружьями, объяснит мне это!

Заговорил Абу-Синг. Коренастый тибетец шагнул к трону Будды, заставив толпу жрецов податься назад.

— Мы не солгали тебе, о Будда! Это твой советник обманывает тебя, скрывая истину. Выслушай, трижды благословенный, историю этих бумаг.

— Тебе должно быть известно, что Китай — страна, близкая к твоему жилищу — стонет под тяжестью иноземного ига. Злобные белые дьяволы — те самые, которые в годы Водяного зайца и Деревянного дракона* вторглись в Тибет, которые пьют кровь из жил поработенной Индии, придавили каблуком шею китайского народа. Китайский народ силен и мог бы сбросить в море поработителей. Но иноземцы хитры. Они посеяли раздоры между военачальниками страны, и внутренняя вражда истощает силы народа.

— И вот, великий потомок бога, есть в Китае люди, которые хотят соединить враждующих и бросить их против белых хозяев. Два мощных вождя уже подпали под власть «детей Черного Дракона». Третий — самый могучий — не поддается их уговорам.

— В твоей сокровищнице хранится бумага, имея которую, можно получить власть над этим полководцем. Эта бумага нужна «детям Черного Дракона». С ней они смогут соединить ссорящихся и освободить зеленеющую страну. В воле твоих губ — благополучие этой страны, о Будда!

Синг замолчал. Мечтательное лицо «живого бога» выражало беспокойство и нерешительность. Он усиленно думал, — занятие, которое не особенно совместимо с повседневными делами бога. Забыв обычную медлительность, он склонился вперед.

* По-тибетски 1903-4 годы, когда военная экспедиция англичан вторглась в Тибет.

— Пришелец, то, что ты сказал, ново для меня. Ты говоришь, что мой народ страдает от белых дьяволов. Мои жрецы не говорили мне про это. И ты говоришь, что эта бумага может помочь вам. Так возьми ее и прогони тво-
рящих зло.

Синг пожал плечами. Такая наивность! Точно такие вещи делаются одним мановением руки! Воля жрецов, давление...

— Твоего разрешения мало, о проникательный! Мы не знаем, где бумага. Двое прибывших с нами пошли искать ее и не приходят обратно. Прикажи твоим слугам принести ее сюда.

Будда сделал повелительный знак, но лама у трона не двинулся с места. Он пробормотал сквозь зубы несколько угрюмых фраз. Сердитый ропот пробежал среди столпившихся внизу. Будда капризно откинулся на резную спинку.

— Мой старший жрец снова говорит, что такой бумаги нет в нашем храме! Он говорит, что вы подосланы ложным Буддой из Лхасы, и ваше намерение — убить меня. Не прав ли он? Отдайте ваше оружие и тогда снова повторите свою просьбу.

Вооруженные револьверами молчали. Их беспокойство разрасталось. Подтверждалось подозрение, что выдающий себя за божество — только игрушка в руках эксплуатирующих его жрецов. Они, настоящие хозяева монастыря, конечно, не выдадут документа. А Львов и Ци-Мо не возвращаются. Не разверзлась ли западня в хмурых переходах древнего храма?

Они собирались с мыслями, чтобы найти хоть какой-нибудь исход. Пронзительный крик сзади заставил всех обернуться ко входу в зал.

Там стоял молодой жрец с поднятой вверх дрожащей рукой. Беспорядочно и пронзительно он выкрикивал отдельные фразы:

— Сокровищница открыта — в ней труп чужого... Брат-привратник убит... Убийца бежал через главные ворота... Он захватил с собой лошадей чужеземцев.

Это было то, что уже давно предчувствовали покинутые. Их новый белолицый товарищ оказался предателем! Забыв осторожность, Синг бросился к двери. Но мгновенная боль в затылке заставила его упасть на колени.

Нанесшая удар жертвенная чаша, брошенная высоким ламой, звеня, откатилась в сторону. Как сквозь сон, Синг видел толпу борющихся людей, окутанных револьверным дымом. Видел женскую фигуру, быстро пробиравшуюся вдоль стены и скрывшуюся за занавесом выхода. Слышал раскаты выстрелов и яростные крики лам. А когда сознание прояснилось, почувствовал себя стоящим перед самым тронном. Четверо лам крепко сжимали его избитые руки и плечи. Его сообщники — Шанг и Ю-Ао-Цян — находились в таком же положении. Он понял: воспользовавшись мгновенным замешательством, жрецы бросились на чужестранцев и ценой нескольких жизней захватили их в плен.

2. Приговор

Мягкое, покрытое пестрыми подушками сиденье трона было пусто. При первых же признаках свалки двое ближних лам подняли на руки своего послушного бога и почти бегом унесли его во внутренние покои. Но высшая законодательная сила все же была налицо.

Мрачный советчик Будды — высокий монах, во время приема склонявшийся у трона, остался в том же положении и сейчас. Все время схватки он простоял совершенно неподвижно, воздев костлявые руки и устремив глаза в узорчатый потолок, а когда троих упиравшихся пленников подтащили к возвышению, он еще несколько минут как бы не замечал, их, предаваясь безмолвной молитве.

Из его сморщенных ввалившихся губ услышали свой приговор трое «детей Черного Дракона»:

«1. Женщина, будущая жена “трижды благословенного”, успела бежать. Трое братьев-лам возьмут по самой быстрой лошади и поедут на поиски. Четвертый известит о бегстве

всех горных охотников и других живущих поблизости “верных”».

Четверо монахов отделились от остальных и быстро покинули зал.

«2. Шестеро других братьев тоже оседлают лошадей ехать в погоню за вором бумаг. Он не должен спастись, иначе тайны монастыря Бао-Дун, неизвестные смертным, получат огласку. Иначе северное правительство будет мстить не сумевшим уберечь бумагу».

Все ламы склонили блестящие макушки, подтверждая мнение говорящего.

«...Беглец отправился по дороге в Дорджилиан — в этом направлении видел его скачущим брат, принесший известие. Но зарок великого Будды запретил убийство. Ни один из служителей бога не должен отнимать жизнь, чтобы в новом перерождении не перейти в нечистые оболочки жабы, скорпиона или женщины!»

Пленники затаили дыхание. Так, значит, их не убьют; но что же предполагает сделать с ними благочестивый лама?

«3. Когда братья захватят вора, его свяжут и оставят на одной из снеговых вершин. Один из служителей дождетсЯ, пока душа не покинет его тело. Для того же, чтобы трое других не мешали погоне...

4. ...Не нужно препятствовать скорейшей гибели осквернителей святыни. Их доставят на обрыв горы Тан-Цы и освободят лошадей. Да свершится над ними суд богов!»

Шесть наиболее крепких и свирепых с виду лам подняли пленников на руки и потащили их наружу...

Здесь уже стоял ряд оседланных мохнатых животных. Трое членов первой экспедиции подъезжали к низким воротам и друг за другом исчезли в длинной дыре. Шестеро остальных усадили Шанга, Ю-Ао-Цяна и Абу-Синга на неоседланных лошадей, связав их щиколки под косматыми конскими брюхами. Гоня перед собой обреченных на смерть, миновали холодный коридор ворот и тоже выехали на наружную извилистую тропинку...

Так безотрадно кончалось предприятие пятерых «детей Дракона». Осторожные копыта лошадей сухо постукивали

по узкой каменистой дорожке. Направо — бесконечно низко под ногами — шумел горный поток, рвясь сквозь разноцветные скалы, сверху казавшиеся маленькими заостренными осколками. Выше — налево — громоздились серо-желтые изгибы гор, сверкая на солнце яркими снеговыми вершинами. Шестеро монахов-дикарей с длинными ружьями, перекинутыми через седла, неуклюже тряслись друг за другом, очевидно, даже верхом предаваясь каким-то размышлениям коммерческого или религиозного характера.

Осужденные ехали впереди. Каждый китаец умеет встречать опасность с равнодушным, почти бессмысленным выражением своего пергаментного неподвижного лица. Темнокожий Абу-Синг тоже не очень боялся смерти — по крайней мере, плотно сжатые губы его широкого рта и зоркие быстрые взгляды исподлюбья показывали, что он довольно спокойно относится к тому, что произойдет сейчас, — к вынужденному прыжку на острые скалы с высоты многих десятков саженей.

А это — неизбежное — было уже перед глазами. Передняя лошадь вдруг остановилась. В нескольких шагах от нее висящая в воздухе скала обрывалась вниз, в смутный водоворот чернеющих внизу камней. Это — обрыв Тан-Цы — место казней монастыря Бао-Дун.

Один из всадников подскочил к самому краю. Заглянул вниз и вернулся к пленникам. Спешившись, стал укутывать голову лошади Абу-Синга черным глухим башлыком. Пятеро остальных тоже соскочили на камни и подошли к осужденным...

В это самое время по узкой тропинке на несколько верст южнее и ниже вихрем скакал человек в нахлобученной меховой шапке, в теплой одежде местного путешественника-горца. Изредка он опускал руку за пазуху и с удовольствием ощупывал мягкую поверхность бумажного свертка и еще какие-то твердые небольшие предметы. Заглянув под белый мех шапки, мы легко узнали бы Львова, так удачно провернувшего сложную операцию кражи секретного документа.

А в другом месте, у самого монастыря, в маленьком ущелье, сдвинутом под темным ручьем, происходило другое.

Передняя лошадь остановилась. В нескольких шагах от нее висящая скала обрывалась вниз.

Косматая лошадь без седока с седлом, сбившимся набок, стояла, понутив голову, усердно пережевывая короткую жесткую траву. Из-за поворота показалась фигура женщины в мешковатом тибетском костюме. Это — «невеста Будды», безымянная спутница пятерых «детей Черного Дракона», бежавшая во время схватки.

Она подкрадывается к лошади, берет ее под уздцы, подтягивает седло, карабкается на высокое сиденье. Почувствовав подергивание удила, лошадь поднимает голову и, управляемая неопытной рукой, начинает взбираться по почти отвесной гранитной тропинке.

3. Засада в Синем ущелье

Прежде, чем перейти к дальнейшим приключениям в Тибете, обратимся к самому Китаю. Какие перемены произошли там за два месяца, протекшие со времени отъезда экспедиции?

Под голубым ярким небом, над развороченными линиями траншей, над порванными проволочными заграждениями с замолкнувшими орудиями плывут серые завесы дыма, стоны раненых, треск пулеметов. Сквозь грохот, сквозь дым, сквозь стрельбу показываются нестройные толпы солдат в изорванных американских мундирах и в китайских головных уборах, похожих на грибные шляпки. Это — отступление. Это уже не отступление, а бегство. Это генерал Чжан-Цзо-Лин гонит перед собой опрокинутые, разрозненные войска генерала У-Пей-Фу...

Дорога между лагерем У-Пей-Фу и морским портом. Ночь. По буграм и выбоинам мчится закрытый грязный авто. Вокруг — отряд китайских солдат верхами. В автомобиле — немного сгорбленный невзрачный военный с поседевшим от усталости, исхудалым лицом. Генерал У-Пей-Фу с горстью сохранивших верность солдат бежит на американский броненосец, ждущий его с опущенным китайским флагом и полупотушенными огнями.

Переворот в Пекине. Министры арестованы. Захвативший власть генерал — бывший сторонник бежавшего диктатора — советуется в уединенной комнате дворца с незнакомцем, закрывающим лицо европейской надвинутой на глаза шляпой и высоким поднятым воротником пальто. Незнакомец — глава «детей Черного Дракона». Новый правитель Китая относится к нему с покорной почтительностью, как младший к старшему. Правитель говорит:

— Отец мой Фа, первая часть дела удалась. Слуга американцев бежал, Пекин в руках «детей Черного Дракона». Но захочет ли Чжан-Цзо-Лин пойти навстречу народу? От посланных за документами нет известий. Да помогут им духи отцов отдать в наши руки документ, который должен освободить Китай...

Вернемся в Тибет. Необычайные события на обрыве горы Тан-Цы развернулись в таком порядке.

Лама, подошедший с черным башлыком к лошади Ю-Ао-Цяна, резко повернулся и накинуд этот башлык на голову своего товарища, державшего под уздцы лошадь Синга. На другом конце обрыва трое лам подмяли под себя четвертого и быстро скрутили его неизвестно откуда взявшимися веревками. Такая же участь постигла плененного башлыком. Связанные, с бесформенными черными пятнами вместо лиц, извивались на камнях в то время, как остальные быстро освобождали осужденных на смерть.

Освобожденные почти упали с лошадей, разминая затекшие члены. Они смотрели так же холодно и равнодушно. Только небольшое изменение в лицах показывало, как неожиданно было для них все происшедшее. Но эта неожиданность объяснилась очень просто, когда четверо лам опустили руки в складки грубых балахонов и вытащили по маленькой белой дощечке со сделанными на них черными изображениями дракона.

«Дети Черного Дракона». Даже здесь, в уединенном монастыре, могучее общество имеет своих последователей! И теперь эти последователи, вступившись за китайских братьев, молча и покорно отдавались в их распоряжение.

Но время для отдыха и разговоров еще не пришло.

Нужно действовать, — ведь Львов, человек, везущий с собой всю судьбу Китая, сделался врагом и скачет где-то далеко, с каждой минутой делаясь все дальше и неуловимей. Как можно короче Шанг растолковал ламам значение успешного исхода предприятия.

— Белолицый вор, наш бывший товарищ, едет в Дорджилиан продать англичанам бумагу, которая в наших руках послужит к спасению Китая, а в руках наших врагов — к его окончательной гибели. Как перерезать ему путь? Он не мог уехать далеко. Нет ли прямой дороги?..

Ламы медленно закачали головами.

— Другой дороги в Индию нет. Но есть козьи тропы, дорожки над пропастями, по которым почти не может пройти лошадь. Этими дорожками мы в два часа достигнем Синего ущелья...

И вот — погоня. Восемь животных, привыкших к головоломым прогулкам над пропастями, уверенно несут на себе усталых, сжимающих старомодные ружья людей. Вор не должен продать белым дьяволам свободу Китая. Его нужно захватить во что бы то ни стало. Но как осуществить это на деле?

Трое «детей Дракона» знали, что глупо слишком надеяться на боеспособность своих новых товарищей-лам. Странная религия, последователи которой не должны даже делать быстрых движений, чтобы не убить летающих в воздухе невидимых бактерий, едва ли может воспитать ценных борцов. Даже внешний вид сторбленных, иссохших людей может внушить только жалость. Придется рассчитывать только на собственные силы.

...Между отвесных синеватых скал, образующих длинный, извилистый коридор, пробегает в одном месте дорога в Британскую Индию. Эти скалы — цель пути восьмерых. Похититель не мог еще добраться до этого пункта. Преследователи слезают с лошадей. Двое китайцев залегают наверху с ружьями, направленными на дорогу. Остальные спускаются вниз — скрыться за поворотами. Пустой, выложенный голубыми осколками, проход. По этому проходу должен проскакать укрывший бумагу...

Львов ехал так же быстро, как и перерезавшие ему дорогу. Но разве чужестранец, даже самый искусный в езде, проедет по осеннему Тибету так же ловко, как его исконный житель? Вся природа как будто сговорилась ставить препятствия на пути Львова.

Он спускался в глубокую котловину; солнце нестерпимо нагревало сторбленную спину. Подымался на горный перевал — в глаза начинал бить ледяной вихрь, проникающий сквозь одежду, обжигающий кожу лица и рук. Надвигался густой туман; он должен был пробираться почти ощупью, рискуя ежеминутно свалиться в пропасть. И только через пять часов после отъезда из монастыря Львов подъезжал к высокой неровной трещине — Синему ущелью, рассекающему на две части массивную стену горы.

Он задержал лошадь и положил плохо гнувшиеся пальцы на холодную ручку револьвера. Это — подозрительный пункт дороги. Ему говорили, что огромное большинство нападений и грабежей происходит именно в этом пункте. Нужно ехать очень осторожно, скакать обратно при первом же признаке опасности.

Глухо защелкали копыта по каменистому дну ущелья. Наверху блестело холодное небо, на бледно-сером фоне выступали два резко очерченных каменных гребня...

Львов доехал до половины.

В то же время залегшие наверху, почти отчаявшиеся дожидаться своей добычи, дали первый недружный залп. Лошадь Львова взвилась на дыбы и рухнула набок.

Как каждый хороший царский офицер, Львов порядочно ездил верхом. Во время падения он соскочил с седла, окидывая цепким взглядом скалы, откуда пришла опасность.

Впереди выросли две закутанные в мех фигуры и бросились на него с пронзительным криком. Он увернулся от одного, ударом в челюсть сшиб другого и, пригнувшись, бросился обратно. Но в этом направлении можно было сделать не больше трех шагов. Здесь стоял третий преследователь — ненавистный, хладнокровный Абу-Синг.

Львов рванул из кармана револьвер. Синг бросился вперед, и револьвер тяжело упал на камни. Сзади уже подбе-

гали сбитые им противники.

Отчаянным взглядом Львов окинул стены прохода. В одной из них — между двух острых скал — узкая кривая щель, может быть, выход. Он сделал движение в одну сторону и бросился в противоположную — к темному проходу. По камням щелкнули пули нового залпа. Но Львов уже скрылся, с трудом протиснувшись в щель.

От расщелины подымалась дорожка, похожая на заброшенную лестницу. Львов побежал вверх, задыхающийся, с бешено бьющимся сердцем, слыша сзади топот преследующих людей.

4. Борьба над пропастью

Тропинка выводила на широкое плоскогорье, покрытое низкорослой колючей растительностью. Львов с треском продирался сквозь нее, слыша за собой такой же треск, зловещее значение которого было для него слишком ясно. Есть ли у преследователей револьверы? Если есть — его песенка спета. Но, по всей вероятности, револьверов не было, иначе бегущие сзади не удержались бы от искушения подстрелить такую прекрасную цель.

Зеленая поверхность начала спускаться вниз. Шум сзади удалялся. Неужели удастся спастись? Нужно удвоить усилия. Львов обогнул кучку высокого кустарника и, не удержав крика, замер на месте.

Перед ним открылась пропасть — крутой провал, до самого края и ниже поросший вечной зеленью. Зелень переходила в загадочную тьму провала неизвестной глубины. Нечего и думать спускаться по такому отвесу!

Он осмотрелся. Саженьях в трех впереди возвышался такой же зеленый обрыв, а шагах в тридцати направо оба берега соединяло огромное срубленное дерево — единственное большое растение, наваленное ветвями в ту сторону, где стоял Львов. Перебраться! Он пробежал расстояние, отделявшее его от этого странного моста, и осторожно ступил

на его начало. Крепко! Быстро перебежал по уходящей из-под ног шершавой коре и растянулся среди густых хвойных зарослей.

Из зелени на противоположной стороне вынырнуло темное лицо Абу-Синга. Пораженный, как и Львов, Синг остановился тоже. Жалость о потерянном револьвере особенно резко кольнула сердце человека с другой стороны! За Сингом показались удивленные желтые лица Шанга и Ю-Ао-Цяна.

Прекрасная мысль мелькнула в голове неподвижно лежавшего Львова: ведь если устранить мост, всякое сообщение между противоположными краями обрыва будет прервано. Он начал осторожно подползать к этому концу, лежавшему в нескольких вершках от края пропасти.

На другой стороне Синг и остальные оживленно говорили о чем-то. Китайцы показывали вниз, Синг недоверчиво качал головой. Львов приподнялся на колени и начал толкать медленно поддававшийся толстый, тяжелый ствол.

Но Абу-Синг уже заметил его и его коварный маневр. С громким криком он побежал к другому концу моста.

Львов вскочил на ноги; нижняя сторона дерева почти совсем подползла к краю. Синг взбегал на его покрытый ветвями конец. Львов потянул сильнее — Синг пробежал уже больше половины дерева. Львов дернул изо всех сил, — конец сорвался, и все дерево с шумом понеслось вниз.

Но в этот последний момент Синг напряг все силы и отчаянным прыжком отделился от падающей поверхности. Он ухватился за каменный выступ обрыва и выкарабкался наружу. Когда Львов бросился вперед — оглушить и сбросить врага, — нахмуренный тибетец уже крепко стоял на ногах и на удар ответил не менее сильным ударом. Он опустил голову и, махая сжатыми кулаками, бросился на Львова.

Противники покатались по хвойному ковру разноцветным меховым клубком. На другой стороне обрыва «дети Черного Дракона» и подоспевшие ламы с ружьями, — бесильные вмешаться, — с интересом наблюдали это едино-

борство.

Катаясь взад и вперед, награждая друг друга увесистыми ударами, противники придвигались все ближе к бездонному, отороченному низкой зеленью, провалу. Они уже у самого края. Над меховой грудой подымается широкая шапка и длинное, багровое от напряжения лицо Львова. Один из лам поднимает ружье. Но лицо исчезает. Вместо него выставляется круглая обнаженная голова Синга. Синг сидит на своем противнике, правая рука и голова которого свешиваются над бездной...

Синг разорвал мех одежды Львова и обнажил его грязную волосатую грудь. Одной рукой сжимая горло врага, другой он быстро обшаривал его карманы. В темных пальцах мелькнул белый бумажный сверток. В то же время Ю-Ао-Цян, не выдержав искушения, вырвал из рук соседнего ламы ржавый ружейный стержень и гулко выстрелил в висющую над пропастью голову.

Львов рванулся и разжал руку, вцепившуюся в куртку Синга. Он начал сползать — сначала медленно, потом все быстрее, и исчез в гуще зеленого кустарника, составлявшего немного покатую стену бездны.

Так погиб человек, желавший продать великую тайну и не сделавший этого, разумеется, не по своей вине. Его победитель с трудом выкарабкался наверх и отполз от края обрыва. Шатаясь, он прошел несколько шагов и неподвижно растянулся в примятой колкой зелени заросли.

5. Кто предатель?

Неизвестно, сколько времени Синг пролежал в этом положении, лицом в жесткую хвою, вдыхая запах пыльного камня, отдаваясь полному полубессознательному отдыху от погони и борьбы. Прошло, может быть, пять, может быть, пятью пять минут. Факт тот, что его заставило очнуться довольно энергичное прикосновение одного из семерых спутников. Все они толпились над ним, сочувственно прищел-

кивая языками и потирая лица. Найдя второй переход через пропасть, они теснились плечо к плечу, с уважением глядя на человека, совершившего такой геройский подвиг.

Синг сел. Не говоря ни слова, разжал кулак и протянул Ю-Ао-Цяну измятый свернутый лист бумаги. Широкое лицо китайца сделалось еще шире от растянувшей его радостной улыбки. Ладонью одной руки он бережно разглаживал документ на ладони другой. Но тут в его поведении произошла мгновенная перемена. Он весь передернулся и неподвижно уставил на Синга свои выпуклые черные глаза.

Синг вскочил на ноги. В чем дело? Что случилось с его благородным другом? Не отвечая, тот передал измятый лист поспешно протянувшему руку Шангу. Шанг издал рыдающий стон и, так же выкатив глаза, сунул документ в самый нос Синга.

При всеобщем напряженном ожидании Синг въелся в документ глазами. Дело становилось ясным с первого же взгляда. Бумага была испорчена. В ней не хватало самого главного. Красиво сделанный текст соглашения, для прочности покрытый прозрачным лаком, криво обрывался внизу листа. Недоставало подписей и печатей! Нижний край показывал, что чья-то поспешная рука оторвала весь конец документа. Синг с недоумением держал его перед глазами, и бумага то вырастала в колоссальную простыню, то сжималась в крошечный смутный лоскуток.

— Но что же это такое? Как это могло случиться? Кто предатель?!

Он вдруг понял значение взглядов лам и китайцев. Он — последний, державший документ. На него ложится ответственность. Он продолжал молча и довольно бессмысленно смотреть на бесполезный лоскут.

Плачущим голосом заговорил Шанг:

— Братья мои, мы обмануты. Чья-то враждебная рука — рука коварного дьявола — лишила бумагу всей ее силы. Кто мог сделать это? Вот перед нами человек, в руках которого она была последние минуты. Только он или его противник могли испортить драгоценное. Брат наш Синг, не

осталась ли вторая часть бумаги случайно в твоём платье?

Синг покачал головой. Китайцы начали шептаться.

— Сейчас мы пойдем искать тело упавшего в пропасть. Но трудно будет найти его. Мы должны быть уверены... Позволь нам, брат, сначала осмотреть твою одежду...

Китайцы закивали головами и сдвинулись ближе. Синг колебался. Позволить осмотреть себя, раздеться... но это может повлечь за собой большие неприятности. С другой стороны, лучше не вызывать подозрений излишней медлительностью.

Но подозрения уже зародились. Раскосые глаза и полуоткрытые бледные рты смотрели угрожающе. Синг отдал себя в распоряжение окружающих.

Цепкие руки раздвинули пушистый мех куртки, забежали по груди, по карманам. Шанг расстегнул воротник рубашки. Со слабым воплем изумления и с поднятыми вверх руками отскочил назад: под темной шеей выступала белая грудная кожа европейца. Краска, не обновляемая два месяца, исчезла с кожи Синга!

— Вы видите, — дрожащий желтый палец с длинным ногтем указывал вперед, — вы видите, братья, это — вор. Я давно уже следил за ним. Один белый шакал отнял у другого бумагу. Он проник к нам под маской соотечественника, — он оказался шпионом англичан. Отдай нам, вор, вторую часть документа!

Синг протянул руку. Он стоял на поросших зеленью камнях под свинцовым тибетским небом, сжимая в пальцах другой руки обрывок бумаги. Человек с лицом азиата и белым телом заговорил:

— Нет, я не предатель. Я не волк, забравшийся в овчарню. Знайте, братья, я — русский революционер. Моя кожа перекрашена для того, чтобы легче было попасть к вам. Там, в Китае, я достану тысячи свидетелей! Потому только не открывай я свою тайну раньше...

Ю-Ао-Цян насмешливо расхохотался, скаля черные зубы:

— Послушайте, что говорит этот человек. Он — русский, борец за свободу! Да разве не те же слова произносили гу-

бы упавшего в пропасть? Не лги, крыса! Ты знал о том, что он — тайный враг, ты был в заговоре с ним! Увидев, что ему уже не спастись, ты вздумал перехитрить нас. Отдай остаток бумаги, если не хочешь, чтобы твоя печень стала ножами моего ножа!

Разоблаченный Синг взмахнул темной рукой в знак отчаянного протеста. Ю-Ао-Цян сжался и прыгнул вперед. Голубое лезвие скользнуло по рукаву отскочившего. Лама сзади опустился на корточки и обхватил рыжую кожу сапога Синга. На него навалились все сразу, покрыв его грудой вопящих и бьющих тел.

Но Синг все-таки вырвался. Он вскочил на ноги и бросился в сторону, тяжело прыгая с камня на камень. Не успели ошеломленные нападавшие подняться с земли, как он уже вбежал в низкую заросль подымавшегося вверх бугра и, упав на четвереньки, начал быстро карабкаться по пологому откосу.

Сзади грянули два выстрела. Две пули чиркнули о камни поблизости. Синг полз все быстрее. Ободранные руки болели. Крупные капли пота падали с лица. Вдруг почти над самым ухом послышался неровный топот и хриплое дыхание загнанной лошади.

Он выглянул. По узкой тропинке, пробежавшей двумя аршинами ниже, мчался одинокий ездок, в котором он узнал «невесту Будды», — два раза спасенную им от гибели женщину.

6. Перелет полковника Гунта

В это утро у калькуттского аэродрома собралась огромная толпа зрителей.

Еще бы! Ведь тот исключительный перелет, о котором столько кричали не только индийские, но даже великобританские газеты, должен состояться сегодня! Удивительный призовой перелет на двухместном пассажирском самолете новейшей конструкции! Перелет через горную цепь Ги-

малаев и немедленное возвращение обратно, со спуском в самом Тибете! Но еще интереснее...

Еще интереснее то, кто взялся совершить этот удивительный перелет. Полковник Гильберт Гунт, герой подавления большого мятежа индийских солдат-сипаев, «железный полковник», по выражению корреспондентов, писавших отчеты о восстаниях, — вот кто привлекал сегодня всеобщее внимание к месту отбытия аэроплана.

И нужно сказать правду. Гибкий и стройный, с красивым острым лицом, обрамленным пилотским шлемом и украшенным маленькими, как будто нарисованными усиками, молодой полковник-летчик вполне оправдывал всеобщий интерес. Его известность росла с каждым годом, превращаясь в настоящую сверкающую славу.

— Настоящий джентльмен, — говорилось о нем в аристократических клубах. Не знающий отказа, — восторженно несло из дамских гостиных. Кровавый английский пес, — шепотом говорили многочисленные вдовы и родственники запоротых и расстрелянных им участников восстания. Честное слово, полковник Гильберт Гунт не даром получал жалование офицера индийских войск его величества, короля Англии!

Последнее время полковник начал увлекаться авиацией. Полковник делал огромные успехи в этом опасном и трудном искусстве. Его бесстрашные мертвые петли славились не меньше, чем военные заслуги в недавнем прошлом. И вот, побившись об заклад в Британском клубе, полковник взялся один, без всяких спутников, перелететь Гималайский хребет и в тот же день вернуться обратно.

Великолепный аэроплан, — стройная четырехсотсильная машина с узким хвостом и мощными распростертыми крыльями, — уже ждал своего седока. Заднее пассажирское сиденье занимали закупоренные бидоны с запасным бензином. Под толстыми серебристыми крыльями и у неподвижного пропеллера впереди мелькало измазанное маслом лицо механика, исправлявшего последние неточности мотора.

Полковник Гильберт Гунт стоял тут же, вежливо и равнодушно пожимая тянувшиеся со всех сторон руки друзей. «Да, конечно, он вернется к назначенному сроку. Не может быть сомнения, что перелет окончится благополучно». Он вставил носок мехового сапога в приступку, сделанную сбоку фюзеляжа.

Он уже сидит внутри, с рукавицами на желтом круге руля, в широких летческих очках, под треск пущенного мотора отвечая на последние приветствия. Пропеллер спереди все энергичнее отбрасывает воздух, сзади вырываются сероватые дымки бензина...

— Контакт?

— Есть!

Самолет полковника Гунта бежит по песку и взвизгивает ввысь под глухое гудение остающейся внизу и сзади толпы. Самолет летит к извилистой темной линии Гималайских гор, отделяющих Тибет от Британской Индии.

А через несколько часов — в Тибете.

Соскочив на дорожку, Синг схватил под уздцы лошадь вскрикнувшей и откинувшейся назад наездницы. Но, узнав появившегося так неожиданно, бывшая «невеста Будды» сразу успокоилась. К ее нежным щекам прилила густая волна крови. Она сжала слабыми пальцами грубую, лежащую на гриве руку Синга.

— Абу-Синг, это вы? Как я рада! Вам удалось бежать? Но... — она запнулась, — ведь вы — не враг? Вы не выдадите меня, Синг?

Задышающийся беглец попробовал улыбнуться.

— Мисс, теперь не вы, а я должен просить вас об этом. Положение изменилось, понимаете ли? Я сам спасаюсь от погони. Мои бывшие спутники... — Синг оборвал фразу, прислушиваясь к шороху в кустах.

— Я должен бежать куда-нибудь. Когда эти китайцы расшвирепуют, они хуже бешеных зверей. Произошло сумасшедшее недоразумение. Даже теперь я не могу понять, в чем дело. — Синг машинально опустил руку в карман и нащупал небрежно сунутую туда злополучную бумагу. — Смотрите, вот они! Если позволите...

Из-за кустов в десяти шагах за ними высыпала толпа преследователей. Китайцы, бегущие впереди, скидывали на ходу ружья. Сзади путались в длинных одеждах неприличные к быстрому бегу, тяжелые на подъем ламы.

Медлить было нельзя. Синг вскочил на спину загнанного животного и стиснул пятками его широко раздувавшиеся бока. Под грузом двойной ноши лошадь отчаянно прыгнула вперед. Она скакала, ударяя в землю всеми четырьмя ногами сразу и вытягивая худую морду.

Преследователи остались позади. Перед лицом Синга качался затылок меховой шапки его спутницы. Он заглянул ей в лицо.

— Мисс, — я не знаю вашего имени, — наш четвероногий экипаж не продержится долго! Послушайте, что я скажу. Мне хорошо известны здешние дороги, я укажу вам, как добраться до хижины охотника, который спрячет вас, пока я буду удерживать погоню. За это вы исполните одно мое поручение. Идет? Но что это за чертовщина там впереди!

«Чертовщина» оказалась распластанной на камнях огромной механической птицей, возле которой возился, не поднимая головы, человек в костюме авиатора. Он наполнял резервуары мотора новой порцией бензина. Лошадь беглецов прыгнула последний раз и неожиданно начала падать. Полковник Гунт выпрямился, поворачивая к подбегающим холодное усталое лицо и черное отверстие браунинга среднего калибра.

Он выслушал беспорядочную просьбу женщины и, не опуская оружия, протяжно засвистел, окидывая ее критическим взглядом знатока. Раздвинув ноги, он заговорил вежливым, но непреклонным тоном:

— Вы говорите, что вас преследуют, и проситесь на мою машину? Что же, в этом нет ничего невозможного. Бензин истрачен, заднее сидение освободилось. Но дело в том, что я могу взять только одного пассажира. По вашему выбору, мисс! Предполагаю, разумеется, что темнолицый джентльмен, хотя бы из вежливости, уступит свое право даме.

Он задумчиво повертел черным браунингом и добавил,

приятно улыбнувшись:

— А насчет того, что оставшегося убьют китайцы, — будьте уверены, что я, полковник Гильберт Гунт, не очень пожелаю о таком ужасном происшествии!

Полковник Гунт выпрыгнул, поворачивая и подбегая... черное отверстие браунинга.

Где-то в неопределенном, но угрожающе близком расстоянии шестеро преследователей с ружьями наперевес, с перековерканными яростью лицами бежали по горячему следу, по камням, еще гудящим от судорожных прикосновений конских ног. Они нашли лишним разыскивать труп Львова. Но если бы они все-таки сделали это, — неожиданно быстро ступни спускающихся уперлись бы в плоский, широкий выступ, скрытый сверху переплетом густой растительности. Здесь, пролетев меньше двух аршин, должно было задержаться тело убитого.

Но тела не было. Вместо него на глинистой поверхности выступала одна белая шапка Львова, выпачканная темной жидкостью.

Была еще небольшая лужа крови, от которой тянулся вглубь разорванный кровавый след. След переходил на ши-

рокую тропку, в одном месте обмятую копытами какого-то животного. И дальше след исчезал.

Только на больших расстояниях друг от друга, между едва заметными впадинами от скачущих копыт, появлялись темные пятна — продолжение первоначального следа.

Цена 15 коп

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ДЕТИ ЧЕРНОГО ДРАКОНА

НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ В КИТАЕ

КОГТИ ДВУНОГИХ ТИГРОВ

вып: 4

„РАБОЧАЯ МОСКВА“

Часть IV

КОГТИ ДВУНОГИХ ТИГРОВ

1. Таинственное письмо

В большой аудитории кантонского университета пылал студенческий митинг.

Вместительный зал, круто уходящий вверх ступенчатым полукругом тесно уставленных скамей, был набит тысячами людей в однообразных куцых пиджачных парах, с желтыми ромбами монгольских лиц. Это — китайское студенчество собралось протестовать против новых вызовов со стороны белых захватчиков. Это — огромная придушенная страна горлами своих лучших детей кричала последние предостережения курящим сигары на открытой пороховой бочке.

Здесь не было разгоряченных, пылающих лиц, изменяющихся под наплывом разных впечатлений.

Китаец не умеет краснеть — пергамент его лица не приспособлен к этому. Он может придать физиономии полную бесстрастность, несмотря на самые сильные порывы. Вся его жизнь остается внутри, и только в мимике и ярком блеске сверкающих глаз передается эта внутренняя жизнь.

Западная цивилизация, одновременно поработившая Китай и давшая ему могучее оружие для изгнания тех, кто ее принес, уже сумела цепко обвить души детей возрождающейся страны. Они не кричат все сразу, не машут угрожающе руками, как делали бы это лет двадцать тому назад. Они сидят спокойно, в равнодушных позах настоящих американцев. Больше того — они внимательно слушают белолицего содокладчика, великолепной речью оправдывающего насилия своих соотечественников. Только в непрозрачной глубине их маленьких выпуклых зрачков тлеют гордые души потомков Яо и Хуанди — героев древнего могу-

чего Китая.

На яркой четырехугольной эстраде, за длинным столом, под огромными иероглифами, украшающими стены, — полдюжины черных фигурок ораторов и президиума. Оратор на краю эстрады вытягивает к слушателям серые крылья рук, уверенно и настойчиво опутывает аудиторию неопровержимой цепью доводов и убеждений. Оратор-англичанин старается сорвать резолюцию, предложенную докладчиком.

В одном из задних рядов на самом верху, — эстрада кажется отсюда маленьким добела раскаленным углем, стройно завершающим острый угол черного треугольника голов, — сутуло склоняется странно знакомый нам человек.

Правда, обычное европейское платье сидит на нем очень хорошо. Кажется, что никогда человек этот и не ходил в другом платье. Но этот гладкий выпуклый лоб, большие карие глаза, толстый нос над большим плотно сжатым ртом... Где мы видели это лицо? Если отбросить белый цвет кожи, почти такой же белый, как кожа сильно загорелого европейца, разве не узнаем мы в нем лица Абу-Синга, оставленного нами в безвыходном положении на одной из горных площадок Тибета?

Абу-Синг вынимает из кармана записную книжку, быстро пишет несколько строк. Тщательно складывает записку. Записка начинает быстрое путешествие по опускающимся рядам к далекой, убеждающей и шепчущейся эстраде.

Вот она уже у цели — в руках первого докладчика — пожилого, по-западному одетого китайца, сидящего в центре стола. Этот человек быстро прочитывает письмо. На его лице — типичном лице азиата — не отображается ничего. Он сует бумажку в карман, несколько минут сидит в задумчивости. Потом вынимает блокнот и порывистым карандашом набрасывает строки ответных фраз.

Этот незнакомец необходим Абу-Сингу. День тому назад прибыв в Кантон — столицу южного Китая, Абу-Синг все время мучительно изыскивал средства повидаться с ним и в то же время не вызывать свиданием излишних толков. В его изворотливом уме старого подпольщика мелькали и

проплывали десятки разнообразных планов. И вдруг — такое простое разрешение. На каждом митинге множество вопросов в виде записок получается докладчиками. И эта записка, конечно, не привлечет ничьего внимания...

Человек на сцене писал. Его сосед справа — толстенький, розовый старичок-американец деловито склонился к лежащей на столе уже готовой резолюции протеста и одним движением круглых очков вобрал в себя лежащие мелким бисером строчки записки. Затем, как ни в чем не бывало, начал вчитываться в страстные строки китайского воззвания.

Англичанин кончил речь. Он исчерпал все доводы, он как дважды два доказал никчемность и даже бессмысленность сборища. В чем, собственно, дело? В том, что офицер французского отряда велел выпороть бамбуком двух китайцев, недостаточно почтительно поклонившихся ему при встрече? Но это — однобокое освещение фактов. Насколько он знает, правильное расследование уже ведется местным консулом. Китайцы были действительно виноваты: они ругали офицера, хотели избить его. Это могут подтвердить все солдаты отряда и даже миссионер-англичанин, присутствовавший при этом. А если, в конце концов, говорить откровенно, — ведь это были кули, простые, грязные рабочие. Стоит из-за такого пустяка подымать столько вредного шума? Конечно, всем известно, в чем тут дело: злостная агитация большевиков смущает китайское студенчество, мешает ему заниматься науками. И много гладких, хороших фраз на прекрасном китайском языке слетело с сухих пробритых губ английского джентльмена.

Оратор сел за стол, немного брезгливо обмахиваясь тонким душистым платком. Такая блестящая речь перед этими китайскими мордами! Но политика, родина... Теперь-то, наверное, митинг будет сорван. Да, тяжелые жертвы приходится иногда приносить на алтарь отечества.

Председатель открыл прения. Ряд причудливых иероглифов — фамилии записавшихся — быстро скользил по длинному листу. Один за другим на эстраду выталкивались люди с неподвижными лицами и скачущими жестами мечущихся тел.

Одна за другой произносились речи.

— Простое недоразумение, но почему такие недоразумения происходят в Китае почти ежедневно?

— Почему каждый иностранец считает возможным обращаться, как с животными, с теми, на земле которых он живет?

— Жадные белые стараются умышленно затемнить сознание народных масс.

— Англичане поддерживают французов потому, что они — союзники по грабежу беззащитной страны.

Бедный усталый содокладчик! Вот как поняли его речь слушатели! Вот как подействовало на них патентованное европейское красноречие!

Пожилой китаец на эстраде что-то прошептал своему желтолицему соседу слева. Тот незаметно взял написанную им записку и вышел. Почти сейчас же вернувшись, спокойно занял прежнее место.

Через несколько минут в зал вошел молодой студент и начал скромно взбираться к задним рядам. Очевидно, студент искал свободное место. В то же время Абу-Синг поднялся со скамьи и стал спускаться к выходу.

Поравнявшись с вошедшим, он уронил кепку. С услужливостью, свойственной всем китайцам, студент быстро нагнулся. Руки его встретились с руками Синга. Синг поблагодарил и вышел наружу.

Пройдя по улице несколько шагов, он остановился и разжал кулак. В нем была записка. В записке стояло:

«Хорошо. Приходите сегодня в двенадцать в дом Хато-Хара на улице Добродетельной Матери. Это — пустой особняк. Согласно вашего желания, не назначаю приема у себя, чтобы не вызывать лишних разговоров».

Синг удовлетворенно вздохнул и спрятал записку в карман. Из-за угла показалась голова в морской фуражке. Обладатель головы — коренастый моряк — подошел к Сингу и крепко пожал его руку. Он заговорил по-русски:

— Товарищ, я поджидаю вас уже с полчаса. Все исполнено — подводная лодка подъедет к самой линии иностранных судов. У берега вас возьмет джонка с двумя фонарями.

Мы уже сговорились с лодочником. Будем дожидаться вас сегодня ночью с часу до двух.

2. Известия. Известия. Известия

Одновременно два гонца из двух разных мест Тибета подхватили известие о краже документа. Но сообщение монастыря Бао-Дун скорее достигло своего назначения.

Один горный житель бегом передавал известие другому, с гор оно скатилось в долины, было подхвачено телеграфной проволокой. Через полтора дня после ограбления монастыря и обнаружения связанных лам на обрыве горы Тан-Цы запыленный мотоциклист вихрем пронесся между барачных временной ставки Чжан-Цзо-Лина. Он почти упал на руки часовых, охранявших двери главной квартиры.

Чжан-Цзо-Лин принял известие, сидя в кабинете штаба за столом, заваленным картами и рапортами частей. Чжан-Цзо-Лин был ошеломлен. Он отлично сознавал значение пропажи так необдуманно заключенного им договора.

Его судьба, его богатства, его значение самого сильного полководца Китая зависели от одной маленькой бумажки. Разве Япония, затратившая на его армию такие деньги, потерпит обман? Разве все остальные страны не начнут интервенцию севера Китая, воспользовавшись предложением? Но, может быть, еще не все потеряно. Дети Черного Дракона правы, в конце концов, требуя изгнания иностранцев. Его армия сможет, пожалуй, начать дело освобождения Китая...

Два часа генерал неподвижно сидел в кабинете, погруженный в планы и предположения. Потом вызвал адъютанта. Подвижной китайский офицер был единственным, кому он доверял все свои замыслы.

— Ваше превосходительство...

— Подойди ближе. Слушай.

Офицер сел у стола. Чжан-Цзо-Лин зашептал, наклоняясь к самому его лицу:

— Слушай внимательно. Я погиб: моя тайна, договор с Францией, находится в руках детей Черного Дракона. Ты понимаешь — теперь никто не вырвет у них этого документа. Так вот: я решил, мне все равно нет выбора. Поезжай к Фа, скажи, что я согласен руководить изгнанием иностранцев. И посмотри, действительно ли они владеют документом. Если да, пусть как можно бережнее хранят его. Попав в руки иностранцев, он погубит не только меня, но и всю страну...

Вот почему первый адъютант Чжан-Цзо-Лина срочно прибыл в Пекин для переговоров с Фа. И вот почему весть о краже документа ударила, как электрический разряд, в собрании детей Черного Дракона, созванном Фа в связи с предложением северного диктатора.

Адъютанту было сообщено, что общество обсудит слова его начальника, что документ находится еще в пути, что немедленно после его доставки сам Фа прибудет к Чжан-Цзо-Лину для переговоров. Адъютант уехал. В могильной тишине подземной залы собраний Фа снова перечитывал строки зашифрованной депеши:

«Священная драгоценность утрачена для верных, — стояла телеграмма. — Похититель Ли-Во убит Сингом. Белый дьявол жил под платьем убившего. Но и у Синга только половина бумаги, с которой он бежал на летающей машине белых. Синий мрак неизвестности покрывает исчезновение части со знаками кружков и рук. Приступили к поискам тела Ли-Во, сброшенного в пропасть. В положенный духами срок недостойные дети припадут к стопам разгневанного Дракона».

Собрание придавленно молчало. Теперь, когда расчеты оправдались, когда Чжан-Цзо-Лин испугался разоблачений и отдает себя в руки общества, — что скажет он, узнав, что общество не смогло уберечь бумагу? Сколько бед еще может принести документ, находящийся в неизвестных руках. Нужно заполучить хотя бы часть, явно имеющуюся у Синга... В общем безмолвии Фа мрачно выводил иероглифы

телеграфного приказа:

«...Верным севера, юга, востока, запада. Человек, укравший тайны общества, бежал из Тибета на аэроплане. Человек должен быть убит, найденные у него бумаги — доставлены в Пекин. Имя человека — Синг. Приметы человека...»

В то время, как на севере разворачивались эти события, юг Китая переживал другое.

В большом полутемном храме Кантона, вокруг бронзового изваяния «сидящего тигра», неподвижно полулежали два десятка костлявых, дьявольски свирепых на вид китайцев. Они затягивались сладким дурманом опиума, шипящего в глиняных чашечках длинных бамбуковых трубок...

Это заседал центральный комитет тигров — китайских фашистов, еще не совсем оправившихся от разгрома, нанесенного им Сун-Ят-Сеном, чрезвычайным президентом южного Китая.

Двое охраняющих вход храма впустили посетителя. Это — не китаец. Его низенькая толстая фигурка с розовым толстым лицом под черным цилиндром смотрела робко и опасно. Мы могли бы узнать в нем участника митинга протеста, американца, так ловко прочитавшего записку, написанную его соседом.

Фашисты сосредоточенно затягивались. Человечек брезгливо оглядывал один из свободных тростниковых ковриков и сел с подавленным вздохом. Он начал говорить.

Разговор продолжался недолго.

К обоюдному удовольствию выяснилось, что тигры, — представители купцов, греющих руки у иностранных капиталов, совсем не прочь отделаться от ненавистного Сунь-Вэна. В то же время белые богачи тоже с удовольствием узнали бы о смерти борца за независимость Китая. Если даже для этого понадобится несколько тысяч долларов... Затем следовал приятный шелест бумажных пачек, переходящих из бумажника американца в складки одежды тигров. В результате — десять мертвеннолицых, худых азиатов произнесли страшную клятву «большого ножа».

Перед священной статуей сидящего тигра они поклялись не пить и не есть, пока не достигнут и не убьют обре-

ченного Сунь-Вэна, иными словами, Сун-Ят-Сена, неукротимого борца за свободу и независимость Китая.

Все это произошло в тот самый день, когда Абу-Синг получил на митинге таинственную записку и после митинга — сообщение о прибытии русской подводной лодки.

3. Комната, потолок, окно

— Вы уверены, что никто не следит за нами?

Вопрос задал человек, только что вошедший в комнату. Человек стоял, чутко прислушиваясь, опустив одну руку на ручку двери, другую — в карман широкого короткого пальто.

Воротник пальто был поднят, нижнюю половину лица окутывал полосатый шарф, надвинутая на глаза кепка почти закрывала его верхнюю часть. Никто из посторонних не узнал бы в этом человеке Абу-Синга, пришедшего в условленное запиской место.

Назначивший свидание сидел лицом к двери, боком к шаткому деревянному столу. Воротник его узкого и длинного пальто был тоже поднят, и шляпа-котелок надвинута на уши. Сморщенную желтоватую кожу его лица пересекала широкая белая повязка. Он кивнул головой.

— Не бойтесь, здесь нет опасности. Мы во втором этаже, заглянуть с улицы невозможно. Я нарочно выбрал этот дом, близкий к гавани. Садитесь, товарищ, мои уши открыты для ваших слов.

Абу-Синг медленно прошел комнату и сел по другую сторону стола.

— Мне показалось... Показались чьи-то легкие шаги. Вот!

Он неожиданно сорвался с места и распахнул дверь в коридор. В черный отступивший мрак вдавилась жидкая полоса комнатного света. Постояв несколько секунд, Синг затворил дверь, два раза повернул ключ и вернулся к стулу.

— Извините мою лишнюю подозрительность. Я ни на секунду не забываю, чью жизнь мне приходится подвергать опасности. Но теперь я спокоен. Итак...

По всей вероятности, он говорил бы несколько иначе, если бы обладал способностью видеть сквозь стены и темноту. Он увидел бы скуластую, злорадно ухмыляющуюся физиономию, неподвижно смотрящую снаружи в освещенный квадрат окна. Носитель этой физиономии висел, скорчившись, на узком выступе наружной стены в нескольких аршинах над землей. Как он взобрался на эту высоту? Узкие плечи десятка субъектов, растянувшихся на земле вдоль стены, без слов пояснили трудный акробатический прием.

Но число свидетелей разговора не ограничивалось этим. Звуки, послышавшиеся Абу-Сингу, неслись не от двери, а с потолка. На потолке среди потемневших от времени досок была небольшая, почти невидимая, дыра. Дыра тускло поблескивала узким зрачком человека, растянувшегося плашмя в пыльной чердачной тьме...

Керосиновая лампа в центре стола отбрасывала уродливые тени на грязные стены комнаты. Синг размотал шарф; черный двойник на стене насмешливо передразнил его движения. Длинная тень искаженной фигуры приплясывала и извивалась в такт быстро сменявшимся фразам.

Синг говорил:

— Товарищ, я хотел повидаться с вами потому, что вам, и только вам, могу доверить исполнение одного дела. Я следил за деятельностью «детей Черного Дракона». Им было необходимо достать документ, касающийся Чжан-Цзо-Лина. Он имеет двоякое значение. В руках иностранцев он — повод к немедленной интервенции, в наших руках — могучее оружие объединения.

Документ был разъединен странным образом. У меня одна его половина, другая находится неизвестно где. Вот моя часть — отдайте ее «детям». Я уезжаю и не хочу, чтобы меня считали предателем.

Китаец схватил оборванный лист и жадно пробежал его текст.

— Но ведь это же все! Будь этот документ с печатями и подписями, Чжан-Цзо-Лин присоединился бы к объединению. Мне говорили об этой бумаге. Да, большой удар по планам «детей». И вы едете — вернее, бежите? «Дети Черного Дракона» гонятся за вами?

Синг покачал головой.

— Я не думаю. Слишком скоро, они не могли успеть. И я не боюсь. Если бы не срочные дела, я сам съездил бы в Пекин. Значит, вы исполните мою просьбу?

Китаец спрятал документ.

«Да, я сделаю это. А теперь выслушайте меня:

Я знаю, товарищ, русские рабочие горячо интересуются нашей борьбой. Скажите им, что мы готовы. Бьет двенадцатый час для противников молодого Китая. Демократический национализм и “конституция пяти сил” — вот то, на пороге чего мы стоим».

В сильном волнении китаец вскочил на ноги и вскинул обе руки над головой.

— Товарищ, я знаю, что вы ответите мне. В новом строе наш народ — простой народ — получит очень мало. Но мы, революционеры, будем бороться и дальше. После иностранцев уйдут дудзюны. Когда-нибудь, рано или поздно, и мы добьемся, чтобы правительство из самих рабочих и крестьян заботилось о счастье пятисотмиллионного народа.

Он взглянул на часы и разом принял прежнюю бесстрастную осанку.

— Однако, час вашего отправления подходит. Не будем больше говорить, — само дело заговорит за нас. Да, да, будьте уверены, — я исполню ваше поручение.

Он взял лампу и отворил дверь, переходя в коридор. Синг следовал за ним. Уже оттуда послышался заглушенный голос пожилого китайца:

— Одну минуту... Для моего спокойствия — на всякий случай. Я знаю, что вы дойдете благополучно, но, пожалуйста, может быть, это поможет... Не отказывайтесь: помните, как и все мы, вы принадлежите не себе...

Через дверь послышалось шуршанье и короткая возня. В то же время подсматривавший в окно китаец спрыгнул

на землю. Сопровождаемый сообщниками, он исчез за поворотом дома.

Нижняя дверь хлопнула. Вышли две фигуры. Крепко пожав друг другу руки, они зашагали в разные стороны.

Не успели их шаги растаять в ночной тиши, как дверь дома снова отворилась.

Припадая к земле, почти выбежали шестеро в широком китайском платье. Они бросились вслед за человеком в коротком пальто, в то время как отряд, ждавший снаружи, быстро и бесшумно полз по пятам второго участника ночной беседы.

4. Большая охота тигров

Абу-Синг быстро шел по направлению к разноцветным, мигающим, скрывающимся и выступающим снова огням кантонского порта.

Как попал Синг в Кантон, город, лежащий за много сотен верст от Тибета? Как мог он очутиться здесь так быстро? Куда девалась его спутница — молчаливая «невеста живого Будды», девушка, купленная в публичном доме Хань-Коу?

Вспомним события, которыми закончилась третья часть романа.

Вспомним:

Ровная серая площадка тибетского плоскогорья. Готовый взлететь самолет с медленно вращающимся пропеллером. У его широкого оттопыренного крыла вежливо улыбающийся летчик — полковник Гильберт Гунт — с браунингом в руке. И перед ним — две истомленные бегством, просящие помощи фигуры: умоляюще протягивающая руки девушка и нахмуренный, бледный от усталости и негодования Абу-Синг.

Когда полковник изложил свое предложение, Синг ясно понял, что его жизнь может считаться проигранной. Преследователи настигнут через пять минут, — какие страшные

пытки придется ему вынести в их руках! Не все ли равно? Он решил. Прыгнув в сторону, он бросился на владельца аэроплана.

Гильберт Гунт не принадлежал к категории трусов, — вся его слава говорила об этом. Не один раз он бесстрашно шел по широким следам четвероногого жителя индийских джунглей и, не моргнув, спускал курок, видя в пяти шагах его мохнатый нос и налитые кровью глаза. А темнокожий тибетец не был ли в глазах европейца таким же зверем, только менее опасным?

Он хладнокровно вскинул оружие и медленно надавил собачку. Перед его глазами мелькнуло постороннее тело, бросившееся наперерез. Раненая женщина медленно опускалась на плоские камни, а изумленный полковник почувствовал, что уже не владеет свободно собственным телом. Он лежал лицом вниз, и тяжеловесный враг скручивал его руки и ноги его же собственным шарфом.

Так женщина пожертвовала собою во имя едва зародившейся смутной любви. Когда Синг поднялся на ноги, достаточно прочно стянув конечности побежденного, он увидел скорченное тело своей спасительницы. Под теплым мехом холодело молодое тело. Бледное красивое лицо было полузакрыто поднятой для защиты рукой. Глаза подергивались туманной дымкой.

Пораженный и взволнованный, чувствуя в горле давящий клубок, Синг стоял над трупом. В этот момент из-за линии скал показалось лицо передового преследователя. Синг прыгнул в аэроплан и пустил мотор. Самолет стал подыматься. Он опустился только через много часов на ровной площадке в часе ходьбы от центральных улиц Кантона.

Все это вспомнил Синг, шагая по пустой приморской улице, между грудами досок и тюков, неверно выступающих в белом свете качаемых ветром фонарей. Не знал он только, что тщательные поиски тела убитого Львова, предпринятые задним числом ламами и китайцами, привели к довольно неудовлетворительным результатам. Не знал также о неожиданной находке калькуттской спасательной экс-

педиции, посланной на поиски Гунта. Экспедиция выполнила задание на 200% — вместо одного она доставила в столицу Индии двух найденных в горах белокожих людей.

Задумавшийся человек шел очень медленно. Впереди вставали неясные громады иностранных боевых судов, заполняющих кантонский порт, держащих город под вечным прицелом всегда готовых к бомбардировке орудий. Открывался рейд. В то же время сзади слышался шелест крадущихся ног.

«Дети Черного Дракона» — жгучей молнией ударила догадка. Он схватился за ручку револьвера. Но оружие так и осталось в его кармане. Со всех сторон вдруг поднялись темные фигуры. Страшная тяжесть прыгнувшего человека обрушилась на его согнувшиеся плечи. Блеснули гладкие клинки ножей. Синг закрыл глаза, изнемогая под живым

грузом, уже чувствуя у горла холодную сталь и липкие пальцы вскочившего на плечи.

Пронзительное шипение и мгновенное исчезновение тяжести заставило его оглянуться. Он был свободен. Китайцы отступили, всматриваясь горящими глазами.

— Это не он. Тигры, мы обмануты. Вместо льва мышь попала в наши лапы! Но кто ты, чужой? Почему на тебе одето не принадлежащее тебе?

Синг отрывисто засмеялся, подымая откатившуюся круглую шляпу, путаясь в длиннополом пальто. Значит, переодевание принесло все-таки пользу. Он спас жизнь великого человека. Но нужно во что бы то ни стало задержать убийц.

— Я белый, о тигры, не смотрите на темную кожу моего лица. Я не враг. Почему я переменял платье? — Дети Черного Дракона преследуют меня по пятам!

Шипение еще более громкое послышалось со всех сторон. Синг затронул слабую сторону тигров. Известно, какая вражда разделяет обе секты: борцов за независимость страны и сторонников ее поработителей. Один из тигров пригнул лицо к самым глазам Синга, обдавая его острым, удушливым дыханием.

— Где они, дети Черного Дракона? Их враги будут нашими друзьями. Мы отомстим им за тебя, о, высокий!

— Они скоро догонят меня. Ждите здесь. Вам удастся перерезать глотки многим.

Не задерживаемый больше, Синг зашагал дальше. На темных волнах уже качались два тусклых красноватых фонаря джонки — досчатой парусной лодки с крытой каютой посредине. Синг шагнул на палубу. Рулевой оттолкнулся от берега.

5. Кто он? Слово Фа и два миллиона фунтов

Попрощавшись с Сингом, второй незнакомец быстро зашагал в противоположную сторону — к центральным торго-

вым улицам Кантона.

Он решил отвлечь преследователей Синга, если таковые были в действительности. Быстро шагая вперед, чутко прислушивался к ночным звукам. Легкая и осторожная поступь многих ног сзади подтвердила его подозрения.

Нельзя позволить поймать себя слишком скоро. Нахлобучив кепку еще ниже, незнакомец бросился бежать по неровной узкой мостовой. Высокие слепые стены домов китайской бедноты молчаливо неслись ему навстречу по обеим сторонам. Он знал: стоит лишь добраться до более людных улиц, и преследование прекратится, Синг будет спасен. Мысль о том, что погоня может относиться к нему самому, ни разу не приходила в голову бегущего. Он несясь вперед немного неровной походкой пожилого человека.

Шаги сзади делались менее отчетливыми. Погоня отстает. Резкое звучное щелканье — звук взводимых курков — больно резнуло по ушам и заставило сердце забиться сильнее.

Преследователи не посмеют стрелять в такой населенной части Кантона. А что, если посмеют? Нет, лучше не рисковать так глупо. Лучше задержать их разговором. Беглец вдруг остановился, сдернув кепку и в знак полной покорности подняв вверх ладони рук.

Преследователи разом нагнали и окружили его. Они медлили убивать, пораженные странным поведением жертвы. Они всматривались. В звездном сумраке выступало широкоскулое приплюснутое лицо, хорошо знакомое каждому гражданину китайской республики.

— Сунь-Вэн! — «дети Черного Дракона» шатнулись в сторону.

Да, это был Сунь-Вэн, знаменитый кантонский президент, доктор Сун-Ят-Сен. Скрестив на груди руки, он строго и испытующе смотрел на распростертых перед ним людей.

— Эта одежда, — один из детей Черного Дракона с рыдающим стоном дотронулся до короткого пальто Сун-Ят-Сена. — Это не твоя одежда, друг угнетенных. Ее настоящий хозяин...

— Ее настоящий хозяин едет на корабле в красную Россию. Узнайте, «дети», — ваша злоба против него неосновательна. Он не украл документ, он сам из числа друзей «зеленеющей страны». Вот перед отъездом он велел передать вам половину секретной бумаги, — ту половину, которая осталась у него.

Китайцы вскочили на ноги.

— Но мы должны настигнуть и убить его, о великий Сунь. Так велел Фа, всемогущий председатель. Возвращения бумаги недостаточно. Ни один посторонний не должен знать тайн Черного Дракона. Мы преклоняемся перед тобой, отец, но и ты ничто перед законом.

Говорящий резко повернулся к остальным.

— Братья. Изменник не успел достигнуть корабля. Догоним его, и да свершится приказанное.

Сун-Ят-Сен протестующе взмахнул рукой. Но китайцы уже исчезли. Они бежали в обратном направлении — к порту, где осужденный Синг не мог еще достигнуть безопасности.

Переулок за переулком — кривые, темные проходы. Из-за одного угла сверкнула мерцающая лента береговых огней. Выступала ровная водная поверхность с зыбким сиянием луны и с темными громадами спящих броненосцев.

Острые глаза переднего преследователя нащупали тусклый фонарь джонки, ныряющей среди волн. У берега вторая джонка, — предатель может быть настигнут. Но в эту минуту в рассеянном свете береговых огней перед бегущими выросли тощие фигуры, искаженные ненавистью лица и сверкающие ножи находящихся в засаде. Дети Черного Дракона остановились в недоумении. С боевым криком тигров китайские фашисты бросились на своих исконных врагов.

В руках застигнутых врасплох тоже блеснули ножи. Грянул револьверный выстрел,...

На другой день многочисленные кантонские газеты красочно описывали кровавую резню китайцев, происшедшую глубокой ночью посреди порта. Сражающиеся так увлеклись, что сражение удалось остановить только поголовным

арестом всех его участников.

А джонка Синга благополучно миновала линию английских и американских судов и остановилась около темной металлической поверхности, выступающей из волн. Синг вступил на палубу подводной лодки, немедленно отплывшей в неизвестном направлении. Мысль о переодевании, пришедшая в голову «отца китайской революции», неожиданно спасла две жизни — жизнь Синга и жизнь самого Сун-Ят-Сена. Ведь путем ареста поклявшихся на «большом ноже» тигров сама собою остановилась возможность исполнения их клятвы.

Последние события, заключающие этот цикл приключений, таковы:

Дальняя комната Британского клуба в Калькутте. Приятный розовый полумрак. Пестрые шкуры, покрывающие пол и стены, мягкие диваны, глубокие кресла. Два человека беседуют о важном и секретном.

Полковник Гильберт Гунт мерит упругий пол мягкими шагами прирожденного охотника. Его красивое хищное лицо сосредоточено.

Собеседник Гунта лежит на диване, небрежно перелистывая английский журнал.

Полковник садится в кресло, энергично затягивается. Вопрос разрешен. План действий созрел в его мозгу.

— Вы совершенно правы, князь. Это можно сделать только в России. Мой кантонский агент сообщил, что субмарина с Сингом отошла в два ночи. Он будет в Москве через неделю, а мы... Если не помешают ваши ушибы и царапины, мы можем вылететь дня через три...

Человек на диване опускает журнал на грудь. Худое, пересеченное бинтами лицо Львова смотрит настороженно.

— Они заживут по дороге. Но условия, полковник? Думаю, что нам лучше сговориться сейчас.

— Конечно. Мы охотимся за документом вдвоем. Кроме того: ваша инициатива, мой капитал. Торговаться с правительством будете вы. Цена: два миллиона фунтов. Пополам. Идет?

Львов кивает головой и спускает на пол ноги в моднейших лакированных туфлях...

Кантон. Рассвет этого же дня.

В одном из небольших заливчиков в двадцати минутах езды от города неподвижно ждет готовый к отправлению гидроплан. Из-под кожаного шлема и больших очков его пилота выглядывает мертвенно-желтая кожа китайца. Он равнодушно сидит около машины. Из-за поворота вылетает и останавливается серый шестиместный авто.

Из авто смотрят шесть меланхоличных китайских лиц. Двое выходят наружу и идут к гидроплану. Один говорит:

— Ты готов, Лу? Цянн арестован, вместо него Ша-Бай полетит с тобой. Отправляйтесь. Вы знаете, куда пошла подводная джонка. Аппараты белых дьяволов помогут вам нащупать ее. Мы сегодня же выезжаем на большом корабле. Если не сможете потопить, — узнайте направление и известите нас. Следуйте тому, что уже раньше слушали ваши уши.

Следующий выпуск

V

„СЛЕПОЙ КИТАЕЦ“.

Цена 16 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ДЕТИ ЧЕРНОГО ДРАКОНА

НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ В КИТАЕ

СЛЕПОЙ КИТАЕЦ

Д. Мошесвит 25

вып: 5

„РАБОЧАЯ МОСКВА“.

Часть V

СЛЕПОЙ КИТАЕЦ

1. По горячим следам

«В ночь резни у кантонского порта, — сообщал местный агент калькуттской контрразведки, — неизвестная субмарина приняла на борт одного пассажира и отбыла в северном направлении».

На следующее утро парусники и сторожевые суда Нагасаки видели боевой гидроплан с двумя седоками. Гидроплан низко летел над водой и даже садился на волны. Он не принял сигналов японской миноноски и, поспешно беря высоту, скрылся в сторону Китая.

...Вечером того же дня во Владивостоке был поднят человек с пятью ножевыми ранами. Неизвестный оказался корейским купцом, только что ступившим на берег. Со слабыми признаками жизни пострадавший отправлен в больницу.

...Через два дня поезд, идущий из Харбина в Читу, был атакован шайкой замаскированных бандитов. После жаркой перестрелки с поездной прислугой нападающие отступили. Ранен старший кондуктор. Потери нападавших неопределенны, — все раненые унесены с собой. Оставшийся убитый, по всем признакам, уроженец южного Китая.

...При отправлении с читинского аэродрома «Юнкерса», летящего в Москву, произошел загадочный случай. На одного из пассажиров напал вооруженный китаец, сделавший ряд выстрелов. Преступник задержан. Подвергшийся нападению — по слухам — один из активных деятелей Коминтерна. Ведется срочное расследование дела...

Как это ни странно, но именно на этих случайных заметках мы можем проследить путешествие Синга в СССР.

Газеты увековечили его рядом недоумевающих строк в

отделах происшествий. Иностранное секретное бюро — нервным потрескиванием радио и долгими разговорами в казенного вида кабинетах. Китайцы-преследователи — рядом хитроумных планов и ускоренным боем сердец после каждой неудачи. Сам Синг — ровным напряжением нервов, готовых ко всему.

В тесном, сочащемся холодными каплями, нутре подводной лодки он сжимал пальцами ручки сиденья, ежеминутно ждал оглушительного толчка бомбы и холодного объятия смыкающихся волн. В вращающихся зеркалах выставленного над водой перископа мелькала чуткая тень вынюхивающего добычу гидроплана — страшного крылатого насекомого с поджатыми ногами, как будто одетыми в непомерно большие галоши. И даже когда эта тень исчезла, вспугнутая японским судном, не исчез темный и неотвратимый страх неожиданного. В продолговатом темном теле, быстро скользящем под поверхностью океана, команда ругалась хрипло и вполголоса; офицер как-то слишком уверенно нажимал рычаги управления; Синг, нахмуренный и строгий, так же выжидательно сидел в своей сырой, залитой электричеством, каютке.

Так же нахмуренно и строго встретил он известие о полдюжине ножевых ударов, предназначавшихся ему и погрузившихся в чужое тело, и, стоя на вагонной площадке, стрелял метко и не торопясь, видя перед собой дымные вспышки выстрелов из черной чащи леса и оскаленные лица лезших на подножку. И на широком аэродроме, оглушенный грохотом выстрелов, сделанных почти в упор, не говоря ни слова, сел в лакированную, пошедшую вверх кабинку самолета.

С самого начала этих покушений Синг понял, как прав был Сун-Ят-Сен, предостерегая его перед расставанием. Только теперь он начал ясно постигать души своих бывших сообщников. Он видел их достоинство — слепое, почти механическое повиновение раз отданному приказанию, преданность тайнам своего общества. Но видел и другое — неспособность критически отнестись к этим приказаниям.

Он знал: попробуй он уговорить китайцев, объяснить им истинное положение дела — они все же, верные данной клятве, прикончили бы его на месте. А поскольку его поручение не было еще окончено....

Прибыв в Москву, Синг (для простоты мы и теперь будем называть его Сингом) немедленно сдал отчет о возложенном на него поручении.

Он знал, что не сегодня-завтра таинственные нападения начнутся снова. Но теперь положение менялось: он принадлежал сам себе и мог рисковать жизнью. Он решил, несмотря ни на что, переговорить с преследователями и попробовать доказать им их ошибку.

Подозрения оправдались. Уже на второй день, шагая по шершавому асфальту Петровки, он случайно обернулся и увидел желтолицего субъекта в обычном платье москвича. Субъект, как ни в чем не бывало, свернул в Столешников. Синг решительно пошел за ним, — тот ускорил шаг и растворился в разноцветном потоке торопящейся толпы.

С этого момента началось странное взаимное выслеживание. Китайцы, очевидно, выжидали момента, когда смогут безнаказанно прикончить свою жертву. Но они не желали входить с ней в какие бы то ни было сношения.

Каждый раз, неожиданно выходя из магазина, обертываясь на ходу или подходя к второзэтажной высоте окна своей комнаты на Тверском бульваре, щетинящемся коричневыми скелетами деревьев, Синг видел одно из равнодушных желтых лиц, сейчас же исчезающих бесследно. Ни одна из его попыток поймать для объяснений кого-нибудь из «детей Черного Дракона» не увенчалась успехом.

Но однажды произошло... Синг шел по вечерней Тверской. С боков стояли полированные стекла витрин, впереди суживалась гирлянда бледно-желтых фонарных огней. Меланхолично тряслись извозчики, с кашлем проносились приземистые авто. У входа в сверкающую, дышавшую белым паром булочную неподвижно стоял нищий в изорванной красноармейской шинели.

Это был китаец.

Прямой, как столб, он вытягивал перед собой разжатую ладонь руки. Благодаря паре круглых черных очков его скуластое грязно-желтое лицо превращалось в неподвижную, мертвую маску.

Синг задержался. Не явится ли этот слепой посредником между ним и китайцами? Может быть, он даже знаком с существованием общества?

На всякий случай Синг подошел ближе и издал еле слышный звук, служащий сигналом для «детей Черного Дракона». В следующий момент он невольно вздрогнул. Он увидел, что худые, длинные пальцы нищего сложились в ответный тайный знак.

Затем нищий качнулся с места и расхлябанной старческой походкой, прощупывая асфальт, быстро пошел по тротуару. Почувствовав, что Синг стоит на месте, он остановился и повторил знак. Потом снова качнулся вперед. Синг решительно зашагал за ним.

Это оказалось довольно неожиданным происшествием. Куда ведет его китаец? Предупредить милицию? — Поздно. Нищий поймет, что дело неладно. Да и, кроме того, если это окажется засадой, он сумеет вовремя остановиться.

Они свернули в переулок. Перед желто-зеленой вывеской с тускло светящимися стеклами нищий остановился, шаря рукой дверь. Он исчез за ней. Синг опустил ладонь на ручку револьвера и тоже решительно вошел в теплый и влажный воздух пивной.

2. Тайна мрака

Слепой китаец медленно пробирался сквозь синеватые клубы дыма, качавшиеся над столиками, с рядами полупустых зеленоватых бутылок и над осоловелыми всклокоченными лицами посетителей. Он нащупал палкой свободный стул и осторожно опустился на сиденье.

Синг сел напротив. Заказал бойкому подающему пару пива. Было странно среди советской обстановки, русской

речи и «трехгорного» светло-коричневого пива в толстых стеклянных кружках видеть мрачную китайскую физиономию, слышать и произносить высокие гортанные звуки китайской речи.

Слепой пригнулся к самой поверхности каменного стола. Мертвые стекла черных очков на пугающе-неподвижном лице смотрели в упор, тяжело и настойчиво.

— Мой русский брат позвал меня великим тайным словом. Я не вижу его лица. Но я знаю, кто он. Что нужно от

меня псу, бежавшему от суда Дракона?

Рука Синга, подносившая ко рту граненое стекло, слегка дрогнула. Значит, он попал верно. Этот нищий — тоже один из врагов. Что же, тем легче выяснить положение. Он нарочито медленно отпил полкружки и тоже пригнулся к столу.

— Твои губы произнесли ложь, слепой. Да, я тот, кого вы преследуете от самого Кантона. Я — бывший член вашего общества. Но я не знаю за собой вины. Зачем вы травите меня, как стая крыс, бегущая за кошкой? Что нужно моим врагам?

— Детям Черного Дракона нужен ты сам. Им нужна жизнь предателя. Ты говоришь, что невинен. Зачем же ты бежал от нас через океан и горы?

Полированные кружки мрака загадочно смотрели вперед. Разве этот китаец не знает, при каких обстоятельствах произошло дело? Ему не дали объясниться... Секунда промедления там, в Тибете, и от него остался бы один кровавый бифштекс... Хотя, действительно, поспешное путешествие в Москву могло вызвать подозрения... Синг помолчал, с трудом подавляя раздражение. Потом заговорил опять:

— У меня были причины, брат. Я уже говорил о них в Кантоне. Сунь-Вэн должен был передать вам. Или вам недостаточно этого? Короче, чего вы хотите от меня?

— Приди на суд Дракона. Великий Фа здесь — он приехал из Пекина, чтобы с глазу на глаз поговорить с тобой. Твои дела темны и непонятны. Явись на суд — твой слуга проводит тебя. Помни: наши ножи и пули уже устали без работы.

После первых же слов ответа Синг уже придумал выход. Незаметно двигая руками в плывущем со всех сторон звоне стаканов, говоре и ухарской музыке, он вытащил карандаш и листок бумаги. Стал быстро писать. Это поможет ему, не особенно рискуя, пойти на свидание. Слепой не заметит — не так уж тонко развит его слух. Тупой, исцарапанный огрызок бежал по лоскутку, оставляя за собой извилистый след.

«Постовому милиционеру, отделению уголовного розыска, агентствам ГПУ. Срочно. Я, представитель общества “Руки прочь от Китая”, — в руках тайного общества китайцев. Сейчас выходим из пивной. Слепой китаец. Ведет, может быть, на смерть. Не выпускайте из виду. Ждите снаружи. При первом выстреле или, если не выйду через десять минут, — врывайтесь внутрь».

В то же время, маскируя лихорадочный бег карандаша, Синг говорил пытливо и медленно:

— Хорошо, брат мой, А если я не пойду? Если я велю арестовать тебя?

— Что я? — слепой сидел, сиротливо сторбившись, и черные дыры его лица смотрели в заплеванный пол. — Я — бедный китайский нищий. Но ты, скрывающийся, раз навсегда потеряешь возможность предстать перед лицом Фа.

Записка была окончена. Синг положил на нее плату за пиво и подозвал подающего. Китаец насторожился.

Молодой малый в серовато-белом высоком переднике с круглым прыщеватым лицом имел совсем неглупый вид. Без звука удивления, видя косящий на соседа взгляд странного посетителя, он взял подаваемое. Отойдя в сторону, пробежал записку и быстро скользнул в наружную дверь.

Китаец ничего не заметил. Синг налил ему остаток пива и стал медленно допивать свое. Китаец неуверенно поднялся со стула и протянул ему свою холодную шафранную ладонь. Синг понял: он боится отпустить его от себя, чтобы он не известил кого-либо. Внутренне торжествуя, Синг взял протянутую руку и повел нищего к выходу.

В дверях пивной он встретился с вернувшимся малым в переднике. Увидев его ждущее лицо, тот быстро и успокоительно закивал головой...

В доме № 108 по Тверскому бульвару, во мраке наступившей ночи, совершалось темное дело.

В этом доме в квартире второго этажа Синг занимал меблированную комнату.

В квартире жили несколько случайных людей. Каждый из них имел свой ключ от автоматического замка парадной двери. Каждый приходил в любой момент и, не трево-

жа других, мог пройти в свое помещение.

В час обычного прихода Синга человек, одетый в платье, похожее на его обычное, с фигурой и манерами Синга, быстро взбежал по полутемной лестнице и осторожно открыл парадную дверь.

Это было как раз в тот момент, когда настоящий Синг, сопровождаемый слепым китайцем, вышел из пивной.

Вероятно, зная это, Синг № 2 действовал так быстро и решительно.

«Нужно войти в комнату, зажечь электричество и спокойно заняться поисками документа. Всего вероятнее, что бывший собрат “детей Черного Дракона” носит его с собой. Но возможно, что он спрятан и здесь. Достоверно известно одно: в Москве он не передавал бумаги никому». Читатель видит, что каждый шаг Синга был доподлинно известен его таинственному двойнику.

Как нарочно, никого из жильцов не было дома. Квартира пуста и темна. Пройти настороженный мрак передней, длинный коридор, остановиться у двери... Незнакомец нащупал замочную скважину, повернул в замке ключ и шагнул в тьму комнаты Синга.

И тут произошло неожиданное. Грудь вошедшего коснулись невидимые пальцы.

Слабо вскрикнув, он отступил в коридор. В следующий момент почувствовал сильный удар в грудь. Холодная сталь ножа молнией пронзила сердце. Ночную комнатную тьму сменила вечная тьма смерти.

Незнакомец, — вернее, труп незнакомца, — начал падать. Но невидимые руки втащили его внутрь и заперли дверь комнаты.

Белый свет вспыхнувшей лампы осветил обстановку.

Убитый лежал на спине с костяной рукояткой ножа, торчащей из темной материи пальто. Его лицо — острое, красивое лицо полковника Гильберта Гунта — охотника за секретным документом — мертвенно стыло в потолок. Над ним склонились и одновременно вскрикнули трое широкоскулых, одетых в пальто и в котиковые шапки.

— О, духи предков, мы обмануты снова. Мы убили не того. Но ведь это — комната Синга. Как мог сюда попасть этот?

Один из китайцев запустил руку в широкие карманы убитого и вытащил поочередно маленький браунинг, потайной фонарь, набор воровских инструментов и толстый английский бумажник. Китайцы начали соображать. Желая без шума расправиться с Сингом, они прикончили одного из его врагов. Если бы саркастический ум полковника Гунта работал еще в эту минуту, как смеялся бы он над неудачей «желторожих»!

В окно раздался осторожный стук брошенной снизу земли. Это — сигнал о деле чрезвычайной срочности. Китайцы потушили свет и, скользя, как тени, покинули одинокую квартиру.

По тротуару быстро и нетерпеливо ходил человек. Он бросился навстречу к выходящим.

— Братья, да откроются ваши уши для необыкновенной вести. Ждать здесь бесполезно. Белолицый предатель не вернется домой в обычный срок. Его встретил слепой сын неба, знающий наши законы, но о существовании которого мы не знали. Они сидели там, где пьют горькую воду, а потом пошли вместе. Я знаю, где они теперь. Поспешим, братья, чтобы вовремя достигнуть цели.

3. В западне

Выйдя из пивной в морозный фонарный полусвет, слепой китаец остановился и резко хлопнул в ладоши. Дремавший на высоких козлах извозчик встрепенулся. Дернул вожжами, подъезжая ближе. Китаец и Синг уселись в экипаж. Лошадь затрусила по темной мостовой.

Синг был спокоен — более или менее. Мальчишка успел передать записку, слежка, вероятно, уже установилась. Может быть, среди уличного движения за ними уже следует незаметно такой же извозчик, несколько мотоциклеток с

милиционерами или обыкновенный двухместный авто. Во всяком случае, его мысль была очень удачна.

Китаец сидел рядом, закутавшись в грязную, рваную шинель.

Не говоря ни слова, он покачивал в такт езды черными очками под ушастой, облезлой шапкой. Странная мертвая неподвижность его морщинистого лица снова покорила Синга. Он отвернулся и от нечего делать стал следить за медленной сменой улиц и переулков.

Проехали всю Тверскую, пересекли Садовую, — бледно-желтый циферблат показал половину одиннадцатого, — свернули на Тверскую-Ямскую. У одноэтажного деревянного дома извозчик остановился. Не говоря ни слова, слепой китаец соскочил на мостовую и подошел к подъезду.

Большим ключом он отворил парадную дверь и пропустил Синга в переднюю. Стал запирать дверь изнутри.

Впереди — ни звука. Передняя, наполненная мутным светом слабосильной электролампочки, казалась преддверием чего-то заброшенного и безлюдного. Синг нащупал револьвер.

Вероятно, почувствовав его нерешительность, китаец закивал успокоительно и показал на внутреннюю дверь. Сжимая шершавую ручку, Синг двинулся к ней.

Внезапно он почувствовал обхватившие его сзади за шею цепкие руки и начал бешено бороться. Одна рука нападавшего ослабла — он как будто побеждал. Но затем его лицо, нос и рот залепило клейкое, удушливое вещество, мешающее дышать. Желая отбиться разом, он невольно набрал воздух и, как следствие, почувствовал странное безволие, расслабленность и проигрыш дела.

Он опустился на досчатый, давно некрашенный пол в то время, как слепой китаец продолжал методически прижимать к его лицу пропитанную отравой тряпку.

Он потерял сознание.

Победитель выпрямился и первым делом снял и положил в карман черные кружки своих страшных очков. С мертвой желтой поверхности глянули живые глаза — холодные и пронизательные. Он взял под мышку попавшего

в западню и потащил его во внутреннюю комнату.

Вдоль стены стояла узкая железная кровать. Он сдернул жидкий матрац. Обнажился черный металлический остов.

Китаец наклонился к Сингу, взвалил на узкие прутья бесчувственное тело и крепко скрутил его пачкой взятых из угла веревок. Руки пленника он притянул к спинке кровати. Раскинутые циркулем ноги просунул сквозь решетку и прикрутил к углам наружной рамы.

Потом сел на корточки и стал разводить чугунную печку, стоявшую посреди комнаты. Время от времени вытаскивал черные часы и взглядывал на медленно ползущую стрелку.

Очевидно, что-то случилось. Полковник обещал быть ровно к одиннадцати. Да и то сказать: час — время вполне достаточное для окончания дела.

Печка разгоралась. Сухие поленца гудели ярко-желтым пламенем, рвущимся в железную трубу. Труба парила над потолком и терялась в белом лоске старинной кафельной печи. Чугунка и кровать, да еще несколько странных металлических предметов в углу, составляли всю обстановку комнаты.

Слепой все чаще и чаще вытаскивал часы. Человек на постели шевельнулся, дрогнул всем растянутым телом и со стоном повернул голову. Китаец выпрямился и подошел к пленнику.

Не говоря ни слова, он стал расшнуровывать его ботинки. Снял один, второй, начал стаскивать носки. Изумленный Синг заговорил:

— Брат мой.

— Документ, — китаец говорил по-английски решительно и безапелляционно.

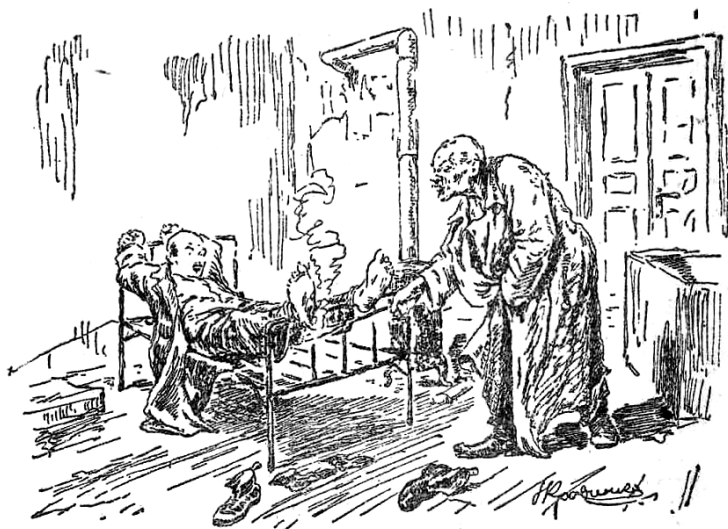
— Но... — Синг был слишком удивлен, чтобы докончить фразу. Китаец снял второй носок, брезгливо швырнул его на пол и подошел к печке.

— Документ. Верхнюю половину, ту, которая осталась у вас. Ну, понимаете? Где она находится? При вас? Или?

— Но ее нет у меня. Я отдал ее — разве вы не знали — еще в Кантоне доктору Сун-Ят-Сену. Он должен был передать ее вам, детям Черного Дракона.

Китаец вздрогнул. После некоторого раздумья отговорка показалась ему нелепой. Он взял из угла железный стержень и начал помешивать им в пылающем нутре чугунки.

— Это ложь. Нам не передавали никакого документа. Где он? Мне кажется, что он при вас. Вы не доверите никому такую драгоценность.

Конец ржавого прута, вынутый из печки, был полупрозрачен и светился тусклой краснотой. Держа его перед собой, слепой китаец приблизился к голым ногам Синга.

— Говорите же. Вы знаете наши китайские обычаи. Говорите. И не пытайтесь звать на помощь: этот полуразрушенный дом целиком снят нами. Он расположен так, что никто не услышит ваших криков.

Чувствуя у самой ступни жар раскаленного металла, Синг дернулся еще раз и отчаянно стиснул веки. Ясно, что этот мнимый слепой — или помешанный, или совершенно не в курсе кантонских событий. Но как доказать? Сейчас

начнется пытка...

Дрожащими руками — его лицо оставалось по-прежнему неподвижным — палач прижал прут к пятке своей жертвы. Синг подпрыгнул вместе с кроватью и застонал громко и протяжно. Запахло паленым мясом.

В этот момент сильно зазвонил звонок в передней. Синг радостно открыл глаза.

«Милиция. Десять минут прошли уже давно. Но что сделает китаец? Не убьет ли он перед сдачей?»

К его величайшему изумлению, китаец небрежно сунул в печку железный стержень и почти радостно исчез из комнаты.

Он подошел к наружной двери. Прислушался. Тихо. «Вероятно, — он. Кстати, может быть, документ оказался там. Во всяком случае, они окончат это дело вместе».

Он распахнул дверь и с бешено забившимся сердцем отскочил вглубь передней.

Четверо китайцев в пальто с поднятыми меховыми воротниками, в надвинутых на выпуклые глаза котиковых шапках порывисто ворвались в дверь. Последний обернулся, запер дверь на два поворота и наложил стальную цепочку...

...В это самое время шестой уроженец Китая, запыленный и осунувшийся, как после долгого путешествия, выбежал из подъезда дома в Замоскворечье, подозвал извозчика и крикнул короткое приказание. Извозчик быстро погнал костлявую лошадь.

4. Китай в России

Не говоря ни слова и не обращая внимания на отворившего дверь, четверо прошли переднюю и переступили порог. Перед ними, беззащитный и связанный, лежал их враг — тот, в охоте на жизнь которого они перенесли столько лишений и проехали такой путь.

Передний китаец держал руку за барашковым отворотом пальто. Он извлек ее оттуда — в желтом кулаке сверкал короткий узкий клинок.

Мягкими шагами он подошел к изголовью кровати и поднял нож.

Но «слепой китаец», вслед за другими вошедший в комнату, уже успел сообразить положение вещей. Он прыгнул вперед и отвел удар, готовый прикончить Синга.

Человек с ножом повернул к нему разъяренные белки глаз и широкие полураскрытые губы.

Слепой спокойно заговорил:

— Осторожнее, дети, пускай ваш рассудок руководит движением ваших рук. Вы не знаете меня, но я знаю, кто вы и зачем находитесь здесь. И вы, и я — «дети Черного Дракона». Младший повинуетея старшему. Поэтому повинуйтесь!

Удивленные китайцы переглянулись. Слепой продолжал:

— Фа сказал, что Синг должен быть казнен. Но тот, кто умер, больше не может говорить. Он уносит свои тайны с собой. Он уносит с собой тайну бумаги.

Братья, Фа прислал меня вслед за вами, чтобы мы узнали у Абу-Синга, куда он девал половину «священного сокровища» — документа. Она должна быть у него. Только пытка вырвет у него признание. А потом... — китаец сделал красноречивый режущий жест.

Китайцы молчали. Очень вероятно, что этот, притворявшийся слепым, тоже посланник Фа, облеченный высшей, чем они, властью. В истории общества бывали такие случаи. Что он из «детей Черного Дракона» — это не подлежит сомнению. Он понимает все тайные знаки и правильно отвечает на них. В конце концов, дело остается тем же. Весь вопрос в том — убить ли Синга сразу, или предварительно подвергнуть его пытке?

По безмолвным взглядам слепой китаец понял, что его предложение принято. Он приступил к делу.

Его живые зрачки вспыхивали тусклым огнем. Неподвижное припухшее лицо повертывалось в разные стороны,

отдавая приказание. «Он уже подверг пленника пытке прижигания, — можно продолжить ее. Нужно раскалить еще один прут и щипцы, вот те, которые лежат в углу. Голову Синга окружить чем-нибудь мягким, чтобы он не расшиб ее и не ускользнул от допроса». Он вытащил из угла подушку и, приподняв сопротивлявшийся затылок, подсунул ее туда.

Синг перестал сопротивляться. Он знал, что погиб окончательно, погиб самой страшной из всех смертей. Одна надежда на милицию. Только почему она не принимает мер?

Как бы угадав его мысли, слепой китаец дал радостное объяснение.

— Белая крыса ждет помощи, — он снова говорил по-китайски, и его слова звучали нескрываемым торжеством, — помощи не будет. Желаете знать, почему? Потому, что записка, которую ты написал, давно разорвана и сожжена. Я хорошо обманул тебя: я видел все, но даже росток подозрения не расцвел в твоей душе. Мальчишка был еще раньше подкуплен мной. Да. Ничто, — понимаешь, — ничто не поможет тебе избежать мучений.

Бегающие, ненавидящие зрачки близко придвинулись к лицу Синга. Уже некоторое время зрачки эти напоминали ему глаза другого, погибшего врага. Но он знал наверное, что тот враг умер.

А этот голос! Желтые, длинные пальцы, на одном из которых старый косой шрам. Не эти ли руки протягивались к его горлу на отвесе горной вершины Тибета? Не этот ли голос... Но ведь тот, укравший бумагу, погиб, упал в бездонную пропасть. И затем — другое лицо. Хотя...

Нестерпимая вспышка, мгновенное озарение осветили измученный мозг приговоренного. Конечно же, это так... Этот слепой китаец...

Слепой китаец так же склонялся над телом распластанного врага. Двое других, сняв пальто, возились у печки. Остальные, сидя на корточках, беспечно болтали. Громкий голос пленника заставил их едва-едва повернуть косоглазые лица.

Зато другой звук — уверенный, резкий звонок — моментально поднял их на ноги. Все пятеро испуганно переглянулись.

Звонок повторился.

Один из китайцев исчез за дверью.

Он вернулся меньше, чем через минуту. Он был не один. Запыленный, усталый путешественник, чертами лица — брат каждого из остальных, быстро вошел за ним.

— Братя, я приехал из Пекина. Вот пергамент с приказом Фа. Хорошо, что я поспел вовремя: непредвиденные обстоятельства задержали меня по дороге.

Он окинул быстрым взглядом комнату и задержался на привязанном к кровати.

— Отпустите Абу-Синга. Он — друг. Доктор Сунь-Вэн рассказал нам все. Да будет благословенно небо, не допустившее смерти борца за правду.

Китайцы бросились к кровати. Они ловко распутывали веревки, впившиеся в отекавшее тело. Но Абу-Сингу было уже безразлично все происходившее кругом. Глубокий обморочный погрузил его в качающую пустоту.

Когда он очнулся, он увидел, что пятеро китайцев окружают шестого, того самого, который привез его сюда. Китаец объяснял что-то, держа руки в складках шинели. Китайцы слушали мрачно и подозрительно... Синг опустил босые ноги на пол и протянул вперед указательный палец правой руки:

— Дети Черного Дракона. Возьмите этого человека — он истинный виновник пропажи документа. Он — враг и предатель. Это — Ли-Во, Львов, тот, который, как мы думали, погиб в ущелье Тибета.

5. Маска сорвана

Не успели отзвенеть в воздухе последние звуки этих слов, как слепой китаец рванул из кармана черную сталь кольта. Но было уже поздно. Десяток желтых рук схватил

его и лишил возможности движенья.

Синг шагнул вперед, чувствуя жгучую боль в опаленной ноге. Протянув руку, ухватился пальцами за морщинистую лимонную кожу врага. Он потянул — щека, а с ней и все китайское лицо остались в его руках. На присутствующих смотрело бледное, сияющее презрительно улыбнуться, лицо Львова.

Синг продолжал:

— Вот человек, у которого должен быть остаток документа. Вы хотите знать, кто он такой — я скажу вам. Я успел навести справки об этом субъекте.

Последний отпрыск гнилого рода русских аристократов, князь, потомок английских лордов, он унизился до того, что вступил в бандитскую шайку, орудовавшую на Востоке. Когда это дело прогорело, он решил заняться более выгодным. Он проник в ваше общество под видом революционера и чуть не продал своим друзьям-англичанам свободу Китая. Что нужно сделать с таким человеком?

Заговорил приехавший китаец:

— Такого человека ждет мучительная смерть, о друг несчастный. Но не забудем о его главной вине. Верхняя часть бумаги, сохраненная тобой, передана Сунь-Вэном в руки Фа. Нижней, исчезнувшей части нет нигде. Она должна быть у этой собаки. Слушай, предатель, отдашь ли ты нам эту половину?

Львов медленно покачал головой.

— Хорошо. Ты отказываешься отдать нам нашу собственность. Это — твое последнее слово? Еще раз взвесь на весах рассудка твои слова. Отвечай!

Бледное лицо Львова покрылось легким румянцем надежды. Он нахально и высокомерно посмотрел на окружающих.

— Цена этого документа — моя свобода. Да, остаток бумаги у меня. Но он в надежных руках. Вы можете убить меня, и не получите его. Кроме того, даже в этой покинутой богом стране есть закон. За убийство здесь расстреливают. Только ценой свободы...

Выгибаясь и вбирая голову в плечи, заговорил другой китаец:

— Свобода. Нет, ты осужден и ты умрешь. Но ты можешь умереть по-разному. Сейчас ты будешь раздет и связан. Мы будем карать тебя, как отцеубийцу и клятвопреступника. Вот этими щипцами, раскаленными добела, мы вырвем сосцы твоей груди и то, чем ты и тебе подобные рожают детей. Если и после этого ты не откроешь секрета, мы вырежем твои коленные чашки. Твои ноздри и уши тоже будут преданы огню. Потом — ты видишь эту печь? — мы будем держать тебя — раздетого и истекающего кровью — прижатым к железу до тех пор, пока твое мясо не обнажит костей. Потом...

Вероятно, Львов переживал в эту минуту далеко не приятные чувства. Его глаза расширились, сухие губы подергивались нервной дрожью. Но на новый вопросительный жест говорящего он снова слабо качнул головой.

Это дало толчок окружающим. Двое прыгнули и быстро сорвали с него верхнюю одежду. Обнажилось костлявое, волосатое тело. Один из китайцев снял с огня светящиеся щипцы и подошел ближе.

Это уже было выше обычного мужества. Хриплым и еле слышным голосом Львов простонал:

— Постойте... В меховой шапке... зашит под подкладкой спереди... Возьмите его и кончайте меня, желтые воюющие дьяволы!

Он обвис в державших его руках. Облезлый мех затрепал в судорожных пальцах искавших. Остаток бумаги очутился в руках «детей Черного Дракона».

Но еще одному необычайному событию было суждено закончить эту трагическую сцену.

Посол Фа с того самого момента, как тело Львова обнажилось для пытки, впал в настоящий длительный столбняк. Только после находки документа он стряхнул с себя оцепенение и повернул к другим мерцавшие ужасом глаза.

— Капитан Лайон, первый белый дьявол, — он указал прыгающим пальцем на бесчувственное тело.

— Брат Ан-Цзы, что с тобой? Что ты увидел? — китай-

цы толпой бросились к пробормотавшему эту фразу.

Ан-Цзы в изнеможении опустил на скрипнувшую кровать.

— Капитан Лайон. Братя, вспомните древнее предание. У первого поработителя, первого привезшего сладкую отраву, ослабившую страну, было под правой грудью пятно величиною с цент. Это его отличительный знак, его и всех его потомков... И здесь...

Все глаза разом обратились на Львова. Двое китайцев продолжали держать его, несмотря на обморочную беспомощность.

Действительно, под правым соском на бледной шероховатой коже темнел большой правильный кружок. Даже Синг удивился поразительному совпадению. А, кроме того, — разве «лайон» по-английски не значит «лев»? И, принимая во внимание английское происхождение Львова...

Один из китайцев торжественно заговорил:

— Дети Дракона, мы обещали, но мы все же не можем просто убить этого преступника. Дьявол живет в нем. Вступая в наше общество, он принес клятву мстить собственным предкам. Потомок врага всего Китая, посягнувший на дух своего отца, изменивший слову, все же должен подвергнуться всем страшным мучениям, о которых слышали его уши. Возьмите его...

Но тут холодно и категорически вмешался Синг.

— Дети Черного Дракона, вы неправы. Вы обещали этому человеку, что не будете мучить его. И я — Абу-Синг — не позволю вам делать этого. Вам придется иметь дело уже со мной.

Он вынул остывавшие щипцы из рук Ан-Цзы и с отвращением швырнул их в угол.

— Видите ли, здесь есть другой выход, единственный, на котором я могу примириться: отдайте вашего пленника в руки Советской власти. Он такой же враг нам, как и вам. Справедливый пролетарский суд разберет и накажет его преступления. Иначе, повторяю, вам придется убить также и меня.

— Но месть... — китайцы переглянулись нерешительно, — закон наших отцов, о справедливый!

— Я беру ответственность на себя. Вы ведь удовлетворены: окончание документа в ваших руках. Могу сказать одно, наш пленник не получит больше возможности делать зло. Ну?

Китайцы молчали. Потом уполномоченный Фа, Ан-Цзы, расширил грудь тяжелым вздохом и склонил голову.

— Хорошо, пронизательный, мы отдаем тебе этого человека. Но помни: великий дьявол живет в нем. Да казнит его страшный свободный суд Красной страны. Вы согласны, о братья?

Все китайцы покорно закивали головами.

6. Так будет

На этом, собственно говоря, кончается наш роман. Но некоторым из читателей такое окончание может показаться обидно неожиданным. А потому сделаем такое заключение:

После вызова представителей ГПУ и сдачи им князя Львова китайцам, выполнившим свою задачу, стало нечего больше делать в Москве. Но оставалось произвести кое-какие формальности в связи с убийством полковника Гунта, происшествием в пустом доме и арестом сообщников Львова. На это потребовалось два дня. И эти два дня дети Черного Дракона под руководством Синга осматривали Москву.

Накануне их отъезда общество «Руки прочь от Китая» устроило чрезвычайный митинг.

Огромный зал собрания был переполнен пристальными слушателями.

На эстраде, увешанной красными плакатами и портретами вождей, маленький оратор энергично размахивал руками, излагая историю захвата Китая империалистами и перспективы китайской революции. На передних почетных

местах — пятеро китайцев внимательно слушали полупонятную, но такую радостную и уверенную речь.

Пятеро, довольные, кивали в такт словам бритыми макушками. Наполнялись ласкающим пламенем восторженных мыслей. Закрывали глаза. И видели:

Документы доставлены в Пекин. Они в руках Фа. Чжан-Цзо-Лин ставится об этом в известность. Он — перед лицом неизбежного. Чжан-Цзо-Лин протестует, но сдается. Его военная мощь во власти «детей Черного Дракона».

В Пекине единое национальное правительство. В правительство входит и Сун-Ят-Сен — фантазер и мечтатель, но пламенный борец за изгнание иностранцев. Всюду начинается тайная подготовка к войне.

Контрабандой привозится оружие, которое раздают тем, чьими руками всегда и во всех странах делаются военные перевороты. На тайных ночных собраниях опытные офицеры обучают народ драться не хуже европейских и американских солдат.

Вспыхивает война. Общими кровавыми усилиями иностранцы сброшены в океан. Свободные города в руках свободного народа. Китайские купцы и фабриканты могут богатеть, не боясь ничьих притеснений. Китайские рабочие... Рабочим тоже даются кое-какие права, — не слишком большие, конечно.

Дальше «дети Черного Дракона» не видят ничего. Они сладко покачиваются, уже не слушая оратора, отданные собственным мыслям. Но сидящий рядом Абу-Синг видит и дальше.

Китайская буржуазия, прогнавшая иностранцев, растет и богатеет. Ей нужно больше рабочих, больше живых машин. Крестьяне сгоняются с земли, на которой вырастают фабрики и заводы. Безземельные переманиваются в города большой заработной платой. Они сливаются с прежними фабричными, превращаются в пролетариат, в великую рабочую армию.

Пролетариат растет в поту и в муках. Жесткая действительность организует его в профсоюзы. Расширяется его тайное, стальное ядро — коммунистическая партия.

Несмотря на притеснения, на безработицу, на голод, пролетариат крепнет и увеличивается. Весь Китай покрыт уже шахтами, заводами, доками. И в один прекрасный день рабочий класс вырывает власть из цепких, но уже ослабевших пальцев молодой и дряхлой китайской буржуазии.

И видит Синг:

Над огромной, от океана к океану раскинувшейся страной с огненной надписью «СССР» поднимается темная фигура рабочего. Рабочий наклоняется, протягивает вдаль грубую коричневую руку. Он протягивает ее к далекому, туманному Востоку.

И с Востока — оттуда, где над залитыми кровью и потом пространствами чернеют надписи «Китай» и «Индия», — возникают ответно две фигуры — желтолицего сгорбленного кули и стройного бронзового индуса. Они тоже вытягивают свои нерешительные, дрожащие от непосильного труда руки. И три мозолистых ладони — белая, темная и желтая — смыкаются в одном дружном вечном пожатии.

Здесь обрывается митинг. Обрываются мысли Синга. И здесь же будет наиболее уместным оборвать сам роман.

Его продолжение — завтрашний день революции в странах Востока.

Д. Туманный

Конец.

Приложение

Из книги

«КАК СТАТЬ ФАНТАСТОМ»

Мой следующий шаг к фантастике я сделал вскоре после войны. Мы жили тогда на даче в Соколовке, по Ярославской дороге.

Дача была большая, старая, серая, скрипучая. <...>

Зато именно в то лето я увидел настоящего писателя и влюбился в процесс писательской работы.

Писатель жил на соседней даче, я дружил с его сыном. Писателя звали Николай Панов. Он написал книгу «Боцман с “Тумана”» о Северном флоте, где он был во время войны. Сын писателя под страшным секретом принес мне плоды папиной сомнительной молодости. Оказывается, писатель Панов в двадцатые годы был левым поэтом Диром Туманным и даже входил в какие-то объединения, но для меня самое главное заключалось в выпусках — тонкие выпуски (потом я увидел такие же — шагиняновского «Месс-Менд») романа приключений с продолжением.

Это было чудо!

Выпуски назывались «Дети Желтого дракона», и речь в них шла о невероятных приключениях на фоне борьбы китайских триад. Совершенно не помню содержания повести Дира Туманного, но когда сам Панов шел с нами, мальчишками, гулять в лес, он был очень обыкновенным, мирным и даже скучноватым человеком, забывшим о детях Желтого дракона. Иногда он останавливался, присаживался на пень, доставал записную книжку и заносил в нее мысли. Сын Панова спокойно уходил вперед, совершенно не понимая того, что Бог дал ему в папы настоящего писателя, а он относится к нему, как к обыкновенному человеку.

Я до сих пор не отказываюсь от мечты завести записную книжку.

Определенная мистика ситуации заключалась в том, что Дир Туманный в 1925 году опубликовал самый настоящий фантастический роман «Всадники ветра» — о межпланетном путешествии.

То есть я гулял по лесу и собирал опять не просто с писателем, а самым настоящим фантастом!

Более того, у него был псевдоним — имя из трех букв. ДИР!

Знал ли я, что через двадцать лет выберу имя КИР?

Наконец, совсем уж недавно, разбирая в Екатеринбурге библиотеку замечательного библиографа Виталия Бугрова, я натолкнулся на книжечку — приложение к «Огоньку» за 1937 год.

Называлась она так: «Стихи и новеллы» Николая Панова.

И лицо на обложке было знакомое, в очках. Только молодое.

Сами понимаете, что можно ждать от посредственного поэта в 1937 году!

Но среди опусов, посвященных будущей войне и товарищу Сталину, есть стихотворение (видно, его и именовали новеллой составители книжечки) «В будущей Москве».

Это оптимистическая, социалистическая, утопическая фантастика. Но ближнего прицела... Не сбывшегося. Сбывшегося:

Как Эльбрус
Из мрамора, стали и света
Как будто взметнувшийся белый костер,
Московская гордость — Дворец Советов
Над зданьями руку вождя простер.

Хочется привести и еще одну краткую цитату:

Вчера на заводе мне в премию дали
Для телевиденья аппарат.

Я долго об этой конструкции грезил...

ОБ АВТОРЕ

Николай Николаевич Панов, будущий «Дир Туманный», родился в 1903 г. в Козельске в семье податного инспектора. Окончил Московский институт журналистики (1922), факультет права МГУ (1928).

Дебютировал в литературе в 15-16 лет, в 1920-1922 гг. организовал группу презантистов, позднее входил в Литературный центр конструктивистов. В 1920-х гг. публиковался под псевдонимом «Дир Туманный».

Первой книгой Панова стал довольно яркий, но незрелый и отмеченный самыми разнообразными влияниями сборник «Московская Америка» (1924). За ним последовали сборники «Человек в зеленом шарфе» (1928) и «Враг своей тени» (1931).

Параллельно Панов работает и в прозе: его нишей как прозаика становятся главным образом «революционные приключения» в традиции «красного Пинкертона». Он публикует романы приключений «Дети Черного Дракона» (1925) и «Тайна старого дома» (1928), фантастический роман «Всадники ветра (Двойники)» (1925), повести «Американские фашисты» (1924) и «Черное золото» (1925).

Произведения Панова отличались достаточной правдоподобностью. Как указывала в 1939 г. «Литературная энциклопедия», писатель «изображает подпольную работу русских большевиков («Тайна старого дома»), деятельность иностранных компартий, крепну-

щих в борьбе с империалистической реакцией, рост революционного сознания в Америке, Китае (“Дети черного дракона” и др.), разоблачает происки классового врага на советских предприятиях (“Черное золото”)).

Опыты в фантастике Панов продолжил в рассказе «Юбилей доктора Фрайса» (1930) и в ряде стихотворений о «будущей Москве» («В будущей Москве», «Путешествие в Москву», 1934-7). В тридцатых годах были изданы стихотворные сборники «Ночь влюбленных: Поэмы» (1934), «Новеллы» (1935), «Стихи и новеллы» (1937), поэма «Командир танка» (1937), «Избранное: Стихи, новеллы, поэмы» (1940).

В 1941-1943 гг. Панов был военным корреспондентом, возглавлял литературный отдел газеты Северного флота «Краснофлотец», участвовал в боевых походах кораблей Северного флота.

С тех пор Панов выступал в основном как писатель-маринист и автор книг о военных морях. Опубликовал книги «Боцман с “Тумана”» (1948), «Страстное желание» (1952), «Колокола громкого боя» (1959), «В океане» (1957), «Повесть о двух кораблях» (1957), «Орлы капитана Людова» (1963), два сборника избранных стихотворений и поэм (1956, 1964) и др.

Скончался в 1973 г.

Роман «Дети Черного Дракона» публикуется по первоизданию (М., «Рабочая Москва», 1925) с исправлением ряда устаревших особенностей орфографии и пунктуации; унифицировано написание некоторых имен и названий. В приложении к книге – отрывок из мемуарной книги К. Булычева (И. В. Можейко, 1934-2003) «Как стать фантастом» (1999).

Оглавление

ДЕТИ ЧЕРНОГО ДРАКОНА

Трущобы Пекина	8
Невеста живого Будды	30
В горах Тибета	50
Когти двуногих тигров	74
Слепой китаец	94
Приложение	
<i>К. Булычев. Из книги «Как стать фантастом»</i>	118
Об авторе	120

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.